

Изданія Т-ва МІРЪ въ Москвѣ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

при участіи **Н. М. Никольскаго** и **В. Н. Сторожева**, со вступительнымъ историко-геологическимъ очеркомъ Россійской равнины **В. К. Агафнова**.

Изданіе ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской культуры, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи“ дастъ не только схему, но и возможно богатую фактами картину культурнаго развитія. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго къ каждой изъ пяти частей „Русской исторіи“ будутъ даны особыя приложенія (всего 25—30 печатн. листовъ), заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатымъ комментариемъ. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ богато иллюстрирована снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (до 100 иллюстрацій на отдѣльн. листахъ, воспроизведенныхъ способами Mezzotinto, Duplex и Mattdruckkunst), а также историческими картами и картограммами.

Указанныя выдержки въ связи съ особенностями самаго текста и иллюстраціями къ нему должны сдѣлать „Русскую исторію“ своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учителей начальной и средней школы.

Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большого формата въ 10 выпускахъ.

Цѣна изданія по предварительной подпискѣ съ пересылкой 20 руб.: 2 руб. уплачивается при заказѣ и по 1 р. 80 к. при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.—Первый выпускъ выйдетъ въ январѣ 1910 г.

Проф. Эрнстъ Мейманъ.

Лекціи по экспериментальной педагогикѣ.

Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей прив.-доц. **Н. Д. Виноградова**.

Часть I. Умственное и физическое развитіе ребенка. Ц. 1 р. 60 к.

Часть II. Индивидуальныя особенности дѣтей. Ц. 1 р. 60 к.

Часть III. Обученіе чтенію, письму, рисованію и ариметикѣ (печатается).

Главная контора Т-ва МІРЪ: МОСКВА, Знаменка, 13.

726
152

801-15
2654

Э. Мейеръ,

профессоръ университета въ Галле.

M 85
1984. 3154

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ДРЕВНЯГО МІРА.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. О. ГЕРШЕНЗОНА.

3-е ИЗДАНІЕ,
Т-ва „МІРЪ“.

МОСКВА.

Типографія „ТРУДЪ“ Газетный пер., д. Келпены.
1910 г.

62 810
72 6174

927677-34

2014142781

При выборѣ темы для доклада, который я объ-
щаль прочитатъ на настоящемъ съѣздѣ нѣмецкихъ
историковъ, мною руководило желаніе обсудить здѣсь,
въ широкомъ кругу товарищей, какой-нибудь общій
вопросъ, въ которомъ ясно обнаруживалось-бы, какое
большое значеніе имѣетъ еще и для нашего времени
правильное пониманіе проблемъ древней исторіи. Для
этой цѣли мнѣ казалось наиболѣе пригоднымъ сооб-
щеніе объ экономическомъ развитіи древняго міра,—
тѣмъ болѣе, что по этому вопросу теперь господ-
ствуютъ и поддерживаются нѣкоторыми выдающимися
учеными такія мнѣнія, которыя я считаю невѣрными
и даже препятствующими правильному пониманію не
только древности, но и историческаго развитія вооб-
ще. Я долженъ извиниться въ томъ, что начну съ нѣ-
которыхъ полемическихъ замѣчаній, съ краткаго из-
ложенія оспариваемыхъ мною взглядовъ; только такимъ
образомъ мы можемъ установить правильную точку
зрѣнія на предметъ нашего изслѣдованія.

Какъ извѣстно, Родбертусъ ¹⁾ опредѣлилъ древнее хо-
зяйство, какъ хозяйство *oikos'a*, т. е. какъ автономное
хозяйство отдѣльнаго дома, собственными силами удо-
влетворяющаго всѣ свои потребности. Этотъ взглядъ
настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о строѣ

¹⁾ Въ своей статьѣ «Zur Geschichte der römischen Tribut-
steuern seit Augustus», I, Jahrb. f. Nationalök. u. Statist., IV,
1865, стр. 339 и сл.

древней жизни, что онъ едва-ли встрѣтилъ согласіе со стороны кого-либо изъ изслѣдователей древности. Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ нему политико-экономы и нѣкоторые историки, такъ что теперь онъ является общераспространеннымъ. Особенно красно-рѣчиваго защитника онъ нашелъ недавно въ лицѣ почтеннаго профессора Карла Бюхера. Въ своей книгѣ „Происхожденіе народнаго хозяйства“ (1893) онъ утверждаетъ, что народное хозяйство «не старше современнаго государства» (стр. 14). Онъ дѣлитъ всю исторію экономическаго развитія на три періода. Первый періодъ—періодъ «замкнутаго домашняго хозяйства», опредѣляемаго, какъ «чистое производство на себя» (Eigenproduction) или какъ «хозяйство безъ обмѣна», гдѣ «продукты потребляются въ томъ-же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ» (стр. 15). Этотъ періодъ продолжается «отъ начала цивилизаціи до середины Среднихъ вѣковъ, приблизительно до начала втораго тысячелѣтія нашей эры»; такимъ образомъ къ нему причисляется вся древность. Его характернымъ признакомъ служитъ то, что «весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)», что «каждый продуктъ проходитъ весь путь своего образованія—отъ полученія сырого матеріала до того момента, когда онъ дѣлается годнымъ для употребленія,—въ одномъ и томъ-же хозяйствѣ, и безъ промежуточныхъ ступеней поступаетъ въ потребленіе». «Производство и потребленіе продуктовъ переходятъ одно въ другое: они составляютъ одинъ непрерывный и нераздѣльный процессъ; точно также не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга производящее и потребляющее хозяйство» (стр. 16). Правда, нѣсколько ниже (стр. 43)

авторъ констатируетъ въ древности и зачатки слѣдующей, высшей формы—городскаго хозяйства, «періода прямого обмѣна, когда продукты непосредственно поступаютъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее». Но дальше этихъ зачатковъ древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла; о народномъ-же хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Послѣднее возникло лишь въ концѣ Среднихъ вѣковъ, между 15 и 16 столѣтіями. Существованіе въ древности такого порядка, при которомъ «продукты обыкновенно должны проходить цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ поступить въ потребленіе»,—другими словами, существованіе правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, существованіе постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ,—совершенно отрицается.

Въ краткомъ очеркѣ (стр. 23—28) набрасывается затѣмъ картина древняго хозяйства, вполне соответствующая этимъ положеніямъ. Въ центрѣ ея, согласно теоріи Родбертуса, находится исключительно одинъ *οἶκος*, экономически-независимое хозяйство отдѣльнаго дома съ его рабами и подвластными, которое посредствомъ чрезвычайно развитого раздѣленія труда между своими членами въ самомъ себѣ удовлетворяетъ всѣ свои потребности¹⁾. Существованіе свободнаго

¹⁾ Напротивъ, М. Веберъ въ своей «Römische Agrargeschichte» превосходно доказалъ, что «экономическая независимость *οἶκος*'а, на которой Родбертусъ строитъ всю исторію хозяйственнаго развитія древности и которая, по его мнѣнію, начинаетъ исчезать въ періодъ имперіи, въ дѣйствительности была для сельскихъ земледѣльческихъ хо-

труда категорически отрицается. «Не существует дѣленія на классы по производительнымъ профессіямъ, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ», говорится (на стр. 24) о Римѣ; но раньше (стр. 23) было сказано, что то же самое относится и къ Греціи и къ Карфагену. «Свободный, ничѣмъ не владѣющій человѣкъ совершенно лишенъ возможности найти заработокъ, потому что не существуетъ предпринимательскаго капитала, который покупалъ-бы трудъ за плату, не существуетъ промышленности внѣ замкнутаго дома». Въ заключеніе обстоятельно описываются огромныя массы рабовъ въ большихъ хозяйствахъ временъ римской имперіи и утонченное распредѣленіе труда между ними. Наряду съ этимъ Бюхеръ въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» III, 930 и сл. все-таки признаетъ еще существованіе свободныхъ наемныхъ работниковъ, но этимъ и замыкается кругъ экономическихъ отношеній древности. Затѣмъ мы однимъ скачкомъ попадаемъ въ Средніе вѣка, въ первую половину которыхъ хозяйство будто-бы сохраняло тѣ-же основныя черты, какъ и въ древности. На меня это описаніе производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ если-бы кто-нибудь вздумалъ изобразить общество прошлаго или даже нынѣшняго столѣтія на основаніи свѣдѣній о роскоши и привычкахъ высшихъ парижскихъ круговъ или англійской аристократіи; или если бы изъ того факта, что въ наше время крупная промышленность въ значительной мѣрѣ вытѣснила ремесла или

зайствъ въ значительной мѣрѣ продуктомъ историческаго развитія (временъ имперіи)» (стр. 241). Собственно выраженіе *αὐτάρχεια* (Rodbertus, Jahrb. f. Nationalök. IV, 347) принадлежитъ Аристотелю, который относитъ его, какъ извѣстно, не къ дому (*οἶκος*), а къ городу (*πόλις*).

подчинила ихъ себѣ, кто-нибудь сдѣлалъ выводъ, что самостоятельныхъ, независимыхъ ремесленниковъ вообще больше не существуетъ. Какъ доказательство, приводится фраза о Трималхіонѣ, вложенная Петроніемъ въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ: «Можешь мнѣ повѣрить, что ему не нужно ничего покупать: все растетъ на его собственной землѣ»¹⁾. Но если уже пользоваться картиной, нарисованной сатирикомъ, весь юморъ котораго заключается именно въ томъ, чтобы все преувеличить и такимъ образомъ сдѣлать смѣшнымъ²⁾, то изъ этихъ словъ можно скорѣе сдѣлать противоположный выводъ. Выписывать пчель изъ Аттики и сѣмена шампиньоновъ изъ Индіи, держать только муловъ, происшедшихъ отъ дикаго осла,—а объ этомъ именно идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ—все это можетъ дѣлать какъ разъ только такой выскочка-милліонеръ, какъ Трималхіонъ, не знающій, куда дѣвать свои милліоны. За то ничего нельзя возразить противъ приводимаго дальше Бюхеромъ крестьянскаго правила: «Никуда не годенъ крестьянинъ, который покупаетъ то, что можетъ произвести его земля»³⁾, или, какъ его формулируетъ Вар-

¹⁾ Выраженіе «omnia domi nascuntur» Бюхеръ неправильно переводитъ: «все производится у него самого».

²⁾ Новѣйшіе писатели слишкомъ часто грѣшили противъ научнаго пониманія этого прелестнаго романа. Они пользуются сатирическими описаніями такъ, какъ будто это статистическія таблицы.

³⁾ Plin. 18, 40. И дальше: «Плохой хозяинъ тотъ, кто днемъ дѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать ночью, развѣ только въ дурную погоду; еще хуже тотъ, который въ будни дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать въ праздники, а хуже всѣхъ тотъ, кто въ хорошую погоду работаетъ не въ полѣ, а въ домѣ».

труда категорически отрицается. «Не существует дѣленія на классы по производительнымъ профессіямъ, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ», говорится (на стр. 24) о Римѣ; но раньше (стр. 23) было сказано, что то же самое относится и къ Греціи и къ Карфагену. «Свободный, ничѣмъ не владѣющій человекъ совершенно лишёнъ возможности найти заработокъ, потому что не существуетъ предпринимательскаго капитала, который покупалъ-бы трудъ за плату, не существуетъ промышленности внѣ замкнутаго дома». Въ заключеніе обстоятельно описываются огромныя массы рабовъ въ большихъ хозяйствахъ временъ римской имперіи и утонченное распредѣленіе труда между ними. Наряду съ этимъ Бюхеръ въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» III, 930 и сл. все-таки признаетъ еще существованіе свободныхъ наемныхъ работниковъ, но этимъ и замыкается кругъ экономическихъ отношеній древности. Затѣмъ мы однимъ скачкомъ попадаемъ въ Средніе вѣка, въ первую половину которыхъ хозяйство будто-бы сохраняло тѣ-же основныя черты, какъ и въ древности. На меня это описаніе производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ если-бы кто-нибудь вздумалъ изобразить общество прошлаго или даже нынѣшняго столѣтія на основаніи свѣдѣній о роскоши и привычкахъ высшихъ парижскихъ круговъ или англійской аристократіи; или если бы изъ того факта, что въ наше время крупная промышленность въ значительной мѣрѣ вытѣснила ремесла или

зайствъ въ значительной мѣрѣ продуктомъ историческаго развитія (время имперіи)» (стр. 241). Собственно выраженіе *αὐτάρχεια* (Rodbertus, Jahrb. f. Nationalök. IV, 347) принадлежитъ Аристотелю, который относитъ его, какъ извѣстно, не къ дому (*οἶκος*), а къ городу (*πόλις*).

подчинила ихъ себѣ, кто-нибудь сдѣлалъ выводъ, что самостоятельныхъ, независимыхъ ремесленниковъ вообще больше не существуетъ. Какъ доказательство, приводится фраза о Трималхіонѣ, вложенная Петроніемъ въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ: «Можешь мнѣ повѣрить, что ему не нужно ничего покупать: все растетъ на его собственной землѣ»¹⁾. Но если уже пользоваться картиной, нарисованной сатирикомъ, весь юморъ котораго заключается именно въ томъ, чтобы все преувеличить и такимъ образомъ сдѣлать смѣшнымъ²⁾, то изъ этихъ словъ можно скорѣе сдѣлать противоположный выводъ. Выписывать пчелъ изъ Аттики и сѣмена шампиньоновъ изъ Индіи, держать только муловъ, происшедшихъ отъ дикаго осла,—а объ этомъ именно идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ—все это можетъ дѣлать какъ разъ только такой выскочка-милліонеръ, какъ Трималхіонъ, не знающій, куда дѣвать свои милліоны. За то ничего нельзя возразить противъ приводимаго дальше Бюхеромъ крестьянскаго правила: «Никуда не годенъ крестьянинъ, который покупаетъ то, что можетъ произвести его земля»³⁾, или, какъ его формулируетъ Вар-

¹⁾ Выраженіе «omnia domi nascuntur» Бюхеръ неправильно переводитъ: «все производится у него самого».

²⁾ Новѣйшіе писатели слишкомъ часто грѣшили противъ научнаго пониманія этого прелестнаго романа. Они пользуются сатирическими описаніями такъ, какъ будто это статистическія таблицы.

³⁾ Plin. 18, 40. И дальше: «Плохой хозяинъ тотъ, кто днемъ дѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать ночью, развѣ только въ дурную погоду; еще хуже тотъ, который въ будни дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать въ праздники, а хуже всѣхъ тотъ, кто въ хорошую погоду работаетъ не въ полѣ, а въ домѣ».

ронъ (de re rust. I, 22): «Не слѣдуетъ покупать того, что можетъ быть выращено на своей землѣ и сдѣлано дома, напр. вещей, приготовляемыхъ изъ ивы и другихъ растущихъ въ усадьбѣхъ деревьевъ, изъ конопли, льна, ситника и пр., какъ корзины, молотильныхъ катковъ, вѣялокъ, мотыгъ, веревокъ, канатовъ, рогожъ»¹⁾. Но это положеніе одинаково примѣнимо ко всякому крестьянскому, да и вообще ко всякому бережливому хозяйству любой эпохи, какъ древности, такъ и настоящаго времени. Такой-же смыслъ имѣетъ изреченіе Катона: «Отецъ семейства (въ данномъ случаѣ крестьянинъ) долженъ стараться много продавать, но мало покупать»²⁾.

Въ отвѣтъ на приведенныя положенія Бюхера я хочу здѣсь только вкратцѣ указать на то, что, по Фукидиду, ополченіе пелопоннесскихъ общинъ состояло изъ крестьянъ, которые сами воздѣлывали свои поля и потому не могли долго оставаться подъ знаменами; что споръ о правѣ демократіи на господство, составлявшій въ Греціи со временъ Перикла средоточіе всей политической и литературной жизни, сводился къ вопросу о томъ, справедливо-ли, чтобы люди, живущіе собственнымъ трудомъ, βίανασοι, принимали участіе въ политической жизни и могли заглушать голосъ лю-

¹⁾ Опуская пояснительныя слова, Бюхеръ (въ Handw. d. Staatsw. III, 926) придаетъ этой фразѣ гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ хотѣлъ Варронъ. Но даже въ такой формѣ она не доказываетъ того, что утверждаетъ Бюхеръ.

²⁾ De re rust. 2, patrem familias vendacem, non emacem esse oportet. Все, что сдѣлалось уже негоднымъ для хозяйства, — старое желѣзо, старый скотъ и рабовъ — онъ долженъ стараться продать, совершенно такъ-же, какъ и излишекъ своихъ произведеній. Но гдѣ ему найти покупателей при существованіи только автономныхъ хозяйствъ, которыя сами производятъ все, что имъ нужно?

дей независимыхъ; что во всѣхъ древнихъ странахъ, уже прошедшихъ стадію чисто земледѣльческаго государства, ремесленники, матросы, купцы и лавочники составляли значительную часть гражданъ; что революція, отъ которой погибла римская республика, была вызвана стремленіемъ сохранить или, вѣрнѣе, возстановить первоначальную основу римскаго государства — независимое, способное нести военную службу крестьянское сословіе. Я уже не говорю о той громадной роли, которую играли въ древней исторіи торговля и деньги, и которую Бюхеръ старается низвести до минимума.

Родбертусъ и Бюхеръ далеко не единственные сторонники этихъ взглядовъ. Изъ теоріи презрѣнія къ физической работѣ, изъ образа гражданина, живущаго чужимъ трудомъ, отдающагося только государственной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченной духовной и художественной роскоши, изъ анекдотическихъ разсказовъ объ упадкѣ нравственности въ періодъ имперіи, о полчищахъ рабовъ у римскихъ вельможъ, — изъ всего этого не одна только публика создала ту фантастическую картину, которая, смотря по надобности, то прославляется, какъ высшій идеаль, какъ образецъ для развращенной политической жизни нашего времени, то, какъ совершенно безнравственная, изображается въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и тогда составляетъ выгодный фонъ для христіанства. Эти взгляды очень распространены и среди ученыхъ; мы встрѣчаемъ ихъ не только у политико-экономовъ, но и у историковъ. Въ послѣднемъ итогѣ они произошли изъ ложнаго мнѣнія, будто историческое развитіе народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, шло непрерывно по восходящей линіи. Это мнѣніе, вызванное, прежде всего, теологической потребностью, наиболѣе усердно распростра-

нялось популярной философией, которая, какъ известно, охотно занимается теорией прогресса и, не заботясь о фактахъ, составляетъ только красивыя системы; въ основѣ его лежитъ обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую. Изъ того, что въ Средніе вѣка господствовалъ совершенно примитивный строй, заключаютъ, что строй древней жизни неизбѣжно былъ еще болѣе первобытенъ. Въ противоположность этому взгляду необходимо самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается съизнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены ¹⁾. Древній міръ погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а вслѣдствіе внутренняго разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественной смертью. Кто еще не совсѣмъ освоился съ этимъ фактомъ, кто еще можетъ сказать: „Уже у Грековъ и Римлянъ мы находимъ то или другое учрежденіе; затѣмъ слѣдуетъ франкское государство и Карлъ Великій» и т. д. ²⁾, тому еще не

¹⁾ Здѣсь не мѣсто разбирать различіе между этими двумя періодами развитія. Самое важное, что новѣйшая культура получила отъ древности, это всеобщая связь, которая, несмотря на всѣ процессы разложенія, уже не могла исчезнуть и продолжаетъ существовать въ идеѣ единой церкви и единаго государства. Это внесло въ христіанско-германское средневѣковье такой факторъ, который еще совершенно отсутствуетъ въ аналогичный періодъ древней исторіи.

²⁾ Такой взглядъ часто встрѣчается напр. въ историческихъ статьяхъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».

доступно научное пониманіе того процесса развитія, который мы называемъ всемірной исторіей.

Я попытаюсь въ краткихъ чертахъ нарисовать здѣсь, насколько мнѣ позволитъ время, картину дѣйствительнаго хода экономическаго развитія древности. Исчерпать весь обширный и разнообразный матеріаль хотя-бы въ одномъ какомъ-либо направленіи,—такой задачи я конечно не могъ себѣ здѣсь поставить; надѣюсь также, что мнѣ простятъ, если нѣкоторыхъ періодовъ я только коснусь немногими словами и обращаю главное вниманіе на самые важные для нашего изслѣдованія вопросы: съ одной стороны, на развитіе высшихъ формъ изъ первоначальныхъ примитивныхъ отношеній, съ другой,—на эпоху упадка.

О началѣ, объ условіяхъ жизни «первобытнаго человека» я не стану говорить. Для насъ безразлично, правильно ли утвержденіе Бюхера (стр. 16), что «обмѣнъ вначалѣ совершенно неизвѣстенъ», хотя я долженъ замѣтить, что, насколько я знакомъ съ матеріаломъ, даже при очень примитивныхъ условіяхъ торговли, обмѣнъ собственныхъ продуктовъ на чужіе товары, играетъ очень важную роль. Во всякомъ случаѣ, у всѣхъ народовъ, которыми занимается исторія, торговля является однимъ изъ основныхъ факторовъ культурнаго развитія.

На востокѣ мы находимъ уже въ древнѣйшій періодъ, отъ котораго до насъ дошли свѣдѣнія, очень развитую промышленность, всеобщія торговыя сношенія и, какъ посредниковъ при обмѣнѣ, благородные металлы. Изъ эпохи перваго расцвѣта Вавилонской монархіи (2400—2100 до Р. Х.) до насъ дошло множество документовъ о частныхъ сдѣлкахъ, особенно о покупкахъ рабовъ, земли, домовъ, о займахъ денегъ

(изъ 17—20% годовыхъ) и хлѣба, о наймѣ рабочихъ и домовъ, о раздѣлѣ наслѣдствъ и т. п. ¹⁾ Здѣсь во второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. мы находимъ вполнѣ развитымъ счетъ по вѣсовымъ единицамъ золота и серебра, которыя изъ Вавилоніи распространились по всему древнему цивилизованному міру и легли въ основу вѣса монетъ; ихъ появленіе, очевидно, относится еще къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ. Памятники и историческія свѣдѣнія указываютъ на оживленныя, какъ мирныя, такъ и военныя, сношенія съ сосѣдними народами. На почвѣ вавилонской системы мѣры и вѣса страны, окруженныя горными цѣпями Тавра и Загра, переходящія къ югу въ великую сирійско-аравійскую степь и пустыню и населенныя преимущественно семитами, очень рано соединились въ одинъ торговый округъ. Крупные города Сиріи и Финикіи служатъ центрами торговли и промышленности, которымъ они обязаны своимъ благосостояніемъ и политическимъ значеніемъ. Извѣстно, какъ они старались расширить свои сухопутныя и морскія сношенія, какъ финикіяне распространили свою торговлю на всѣ побережья Средиземнаго моря. Въ пустынѣ караваны бедуиновъ поддерживали сообщеніе на верблюдахъ тысячи лѣтъ тому назадъ такъ-же, какъ и теперь: достаточно указать на караванъ измаильтянъ, который шелъ изъ Гилеада въ Египетъ съ разнаго рода смолой, трагаканеомъ, мастикой и ладаномъ, и которому, по древнѣйшей версіи сказанія, Иосифъ былъ проданъ своими братьями (Быт. 37, 25). Именно караванная торговля играетъ въ исторіи древняго Востока очень важную роль; она доставляетъ самыя

¹⁾ См. особенно Br. Meissner, Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht, 1893 (Assyriologische Bibliothek, вып. XI).

цѣнные и наиболѣе требуемые естественные продукты: золото и куренія, которые привозятся изъ южной Аравіи и степей восточной Африки — золото изъ Нубіи, куренія изъ Пунта. Благодаря этой торговлѣ, въ южной Аравіи, въ Савскомъ царствѣ, около 1000 года до Р. Х. развивается сравнительно высокая культура и возникаютъ прямыя торговыя сношенія съ государствами, расположенными у Средиземнаго моря. Въ связи съ этимъ торговымъ движеніемъ стоитъ разукрашенное легендою, но по существу несомнѣнно историческое посѣщеніе Соломона Савскою царицей, о которой говорится: «И подарила она царю сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоценныя камни; никогда не бывало такого множества благовоній, сколько подарила царица Савская царю Соломону» (Цари, I, 10, 10); далѣе — почести, оказываемыя Савскими царями великимъ ассирійскимъ завоевателямъ, и, наоборотъ, походы ассиріянъ и Навуходоносора въ пустыню съ цѣлью усмирить бедуиновъ и обезопасить торговые пути. Египетскіе фараоны во всѣ эпохи расцвѣта ихъ государства посылали торговые флоты по Красному морю, чтобы завязать непосредственныя сношенія съ родиной куреній, Пунтомъ въ Африкѣ ¹⁾; такой же характеръ носятъ поѣздки Соломона и Иосафата въ Офиръ въ союзѣ съ тирскими царями.

Рядомъ съ этой торговой и культурной областью передней Азіи мы находимъ въ долинѣ Нила высоко-развитое государство, стоящее вполнѣ на почвѣ натурального хозяйства. Какъ извѣстно, царство фараоновъ

¹⁾ При 5-й, 12-й, 18-й и 20-й династіяхъ. О топографіи Пунта см. W. Max Müller, Asien und Europa nach ägyptischen Quellen, стр. 106 и сл.

въ его древнѣйшемъ видѣ, въ эпоху постройки пирамидъ (около 3000 г. до Р. Х.), является прочно организованнымъ бюрократическимъ государствомъ, похожимъ на византійское, съ сложной системой чиновничьей іерархіи и обстоятельнымъ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Но понятіе объ общемъ мѣрилѣ цѣнности чуждо этому государству. Подати въ пользу царя, высшихъ чиновниковъ и аристократовъ, которымъ принадлежитъ земля, собираются натурою и сохраняются въ казенныхъ магазинахъ; жалованье и содержаніе отъ двора выплачиваются также натурою. Когда аристократы и придворные кавалеры и дамы хвастаются тѣмъ, что получаютъ свою пищу съ царскаго стола, то эти слова слѣдуетъ понимать буквально. Рисунки на гробницахъ изображаютъ рыночныя сцены, гдѣ торговцы продаютъ рыбу, лукъ, мази, утварь, украшенія; покупатели расплачиваются цѣпочками, вѣрами, сандалями и т. п. ¹⁾ Нубійское золото есть лишь особенно дорогой товаръ, какъ и лаписъ-лазули и другіе цѣнные минералы, получаемые изъ рудниковъ Синайскаго полуострова, а позднѣе также, путемъ торговли, изъ Азіи.

Древнее царство временъ постройки пирамидъ къ концу третьяго тысячелѣтія до Р. Х. превращается въ феодальное государство. Большая часть земли находится въ рукахъ высшей знати, областныхъ князей, которымъ царь ввѣряетъ управление округами и которые обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ собирать и сдавать въ царскія кладовыя «доходы царскаго дома», т. е. подати, слѣдуемая государству. Главная масса сельскаго населенія—крѣпостные, обязанные своимъ господамъ барщи-

¹⁾ См. Erman, Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, стр. 654 и сл

ной; но рядомъ съ ними мы находимъ въ городахъ значительное число ремесленниковъ и купцовъ. Нѣкоторые изъ ремесленниковъ, напр. ткачи, находятся въ крѣпостной зависимости, другіе-же, какъ цирюльники, оружейные и золотыхъ дѣлъ мастера, каменщики, каменотесы, скульпторы, врачи, бальзамировщики труповъ, описываются въ литературѣ, какъ свободные, и нерѣдко изображаются на памятникахъ владѣльцами значительнаго состоянія, многочисленныхъ рабовъ и рабынь. Сообразно съ этимъ выборъ занятія совершенно свободенъ, и нерѣдко сынъ занимается не ремесломъ отца, а какимъ-нибудь другимъ или переходитъ въ чиновничье (въ древнѣйшія времена вѣроятно и въ жреческое) сословіе, хотя можно принять за общее правило, что здѣсь, какъ и во всякомъ обществѣ съ устойчивымъ строемъ жизни, сынъ продолжаетъ дѣятельность отца ¹⁾. Но и въ это время формы обращенія продуктовъ остаются тѣ-же. Если какое-нибудь важное лицо дѣлаетъ распоряженіе о поминаненіи его послѣ смерти, то оно назначаетъ жрецамъ въ вознагражденіе часть доходовъ со своего личнаго имущества (иногда долю храмовыхъ доходовъ,

¹⁾ Извѣстно, что сообщенія греческихъ писателей о существованіи кастовой организаціи въ Египтѣ основаны на недоразумѣніи. Только званіе жреца здѣсь, какъ и во многихъ другихъ странахъ (напр. у евреевъ послѣ Давида), сдѣлалось постепенно наследственнымъ; когда въ десятомъ вѣкѣ до Р. Х. ливійскіе наемники, какъ впоследствии Мамелюки, захватили въ свои руки власть надъ Египтомъ, изъ нихъ образовалась военная каста, которой принадлежала большая часть страны. Но естественно, что напр. занятія крестьянъ и пастуховъ фактически оставались почти безъ исключенія наследственными. Относительно государственнаго и соціальнаго строя Египта см., кромѣ указаннаго капитальнаго труда Эрмана, мою исторію древняго Египта.

которую оно получало въ силу своей наслѣдственной принадлежности къ жреческому сословію); напр. каждому жрецу за выдаваемый имъ въ первый високосный день бѣлый хлѣбъ—свою часть животнаго, закланнаго въ этотъ день въ храмѣ; за хлѣбъ и пиво въ одинъ изъ главныхъ праздниковъ—«24 дневныхъ храмовыхъ раціона изъ своего наслѣдственного состоянія, а не изъ царскаго помѣстья» ¹⁾; за три свѣтильни для зажиганія свѣчей въ три праздничныхъ дня—1000 схойній ²⁾ отъ своего наслѣдственного помѣстья. До насъ еще дошли отрывки счетной книги царскаго двора 13-й династіи (около 1900 г. до Р. Х.), которые показываютъ, какъ изъ запасовъ хлѣба, пива, плодовъ, овощей и т. д., поступающихъ въ царскія кладовыя, ежедневно выдаются, соотвѣтственно рангу, опредѣленные, точно рассчитанные раціоны принцамъ и дамамъ гарема, высшимъ чиновникамъ и придворнымъ, судьямъ, солдатамъ, дворцовымъ служителямъ, а также многимъ частнымъ лицамъ, получающимъ постоянное или временное содержаніе отъ двора ³⁾.

¹⁾ Потому что послѣднимъ онъ не можетъ свободно распоряжаться: оно дано ему только въ ленное владѣніе и можетъ не перейти къ его наслѣдникамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель дѣлаетъ пожертвованіе изъ царскаго лена, онъ ясно говоритъ, что оно условно, но выражаетъ надежду, что его наслѣдники исполняютъ его распоряженіе, хотя законъ и не обязываетъ ихъ къ этому. Тексты см. у Эрмана «Zehn Verträge aus dem Mittleren Reich», Zeitschr. f. ägypt. Sprache, 1882, стр. 159 и сл., и затѣмъ въ его «Aegypten», стр. 209 и сл.—Въ этихъ счетахъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (напр. и у грековъ), годъ считается ровно въ 360 дней, т.-е. въ 12 мѣсяцевъ по 30 дней.

²⁾ 1 Схойній (ahet) = 441 кв. метру.

³⁾ См. приложение I.

Когда въ началѣ новаго царства (съ 1580 г. до Р. Х.) Египетъ переходитъ къ завоевательной политикѣ, на немъ начинаютъ сказываться азіатскія вліянія. Уже раньше въ Египтѣ, повидимому, установилась привычка пользоваться слитками мѣди (утами), вѣсомъ въ 91 гр., если еще не какъ настоящими деньгами, на которыя можно обмѣнивать всѣ другіе товары, то какъ мѣриломъ, которымъ оцѣниваются обмѣниваемые другъ на друга товары ¹⁾ (отсюда произошла впоследствии птоломеева мѣдная монетная система). Теперь въ Египетъ проникаютъ также азіатскія мѣры и счетъ на благородные металлы, хотя въ общемъ старая государственная система остается въ силѣ, и завоеванные страны выплачиваютъ подати преимущественно хлѣбомъ и многочисленными естественными и искусственными продуктами. Вліяніе передней Азіи на Египетъ было тогда чрезвычайно велико: не только въ видѣ податей, но и благодаря торговлѣ въ Египетъ доставлялось много издѣлій передней Азіи, оказывавшихъ сильное вліяніе на мѣстную промышленность; въ это время въ Египтѣ господствовала вполнѣ азіатская мода. Важнымъ послѣдствіемъ удачныхъ войнъ было, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, рѣзкое увеличеніе числа рабовъ. Къ неграмъ, которые во всѣ времена ввозились въ Египетъ, прибавилось много азіатскихъ рабовъ, находимыхъ всюду на памятникахъ этого времени въ качествѣ чернорабочихъ, ремесленниковъ, слугъ, и сильно повліявшихъ на судьбы страны. Въ другія эпохи число рабовъ въ Египтѣ, какъ и на

¹⁾ Такъ, въ Новомъ царствѣ за вола, оцѣненного въ 119 утъ мѣди, дается палка съ инкрустаціей, стоящая 25 утъ, и другая въ 12 утъ, одиннадцать кувшиновъ меду въ 11 утъ и т. д. (Erman, Aegypten, стр. 657).

всемъ Востокѣ, въ древнее и новое время, повидимому никогда не было очень велико ¹⁾, едва-ли больше, чѣмъ въ нашемъ столѣтіи передъ уничтоженіемъ рабства. Ихъ употребляли почти исключительно для личныхъ услугъ; рабовъ-работниковъ было всегда немного, такъ какъ для этого существовало достаточно крѣпостныхъ и свободныхъ рабочихъ ²⁾.

Чѣмъ дальше подвигается впередъ развитіе древняго Востока, тѣмъ больше растеть вліяніе торговли. Характерно, что дамаскій царь послѣ побѣды надъ Омри не только отнимаетъ у Израиля пограничныя области, но и пріобрѣтаетъ право основать рынокъ въ Самаріи. Когда затѣмъ Ахавъ побѣждаетъ дамаскаго царя, онъ пріобрѣтаетъ такое-же право относительно непріятельской столицы (Цари I, 20, 34). Поощреніе торговли, владычество надъ моремъ, доходы, средства и связи, пріобрѣтаемая такимъ путемъ, играютъ все болѣшую и болѣшую роль въ политикѣ.

1) Въ публикѣ распространены фантастическія представленія объ обширныхъ гаремахъ и несчетныхъ толпахъ рабовъ восточныхъ богачей. Въ дѣйствительности число людей, достигшихъ этого идеала, всегда было очень ограничено; въ мусульманскихъ странахъ рабовладѣніе проникло вглубь народа, вѣроятно, не дальше, чѣмъ многоженство. Этимъ, конечно, не отрицается тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (напр. въ средніе вѣка для промышленности въ Иранѣ) и для отдѣльныхъ отраслей промышленности, напр. для ловли жемчуга, употреблялось много рабовъ.

2) Объ экономическомъ развитіи Египта можно было бы, конечно, сказать еще очень многое. Особенно важно постоянное увеличеніе заповѣдныхъ имуществъ (main-morte), благодаря все увеличивавшимся вкладамъ царей и частныхъ лицъ въ храмы. Это обстоятельство играло важную роль въ послѣдующемъ крушеніи государства.

Обновленное египетское царство Псамметиха и его преемниковъ уже рѣшительно ищетъ опоры въ этихъ элементахъ; въ послѣдствіи объ этомъ еще въ гораздо большей степени заботятся Птоломеи. Дарій, строитель персидскаго государства, не только снова урегулировалъ торговлю своей важной денежной реформой, но и пытался открыть для нея новые пути тѣмъ, что изслѣдовалъ теченіе Инда, отправлялъ экспедиціи для открытія западныхъ береговъ, и особенно тѣмъ, что окончилъ начатое еще Нехо прорытіе судоходнаго канала отъ Нила до Краснаго моря и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ прямое сообщеніе между Нильской долиной и Вавилоніей.

Но мы не можемъ долѣе останавливаться на исторіи Востока; для нашихъ цѣлей достаточно замѣтить, что она отнюдь не оправдываетъ взглядовъ Бюхера.

Однако первыя наши свѣдѣнія о культурныхъ родахъ Востока относятся къ тому времени, когда они уже достигли очень высокой степени развитія. Если мы хотимъ изучить простыя отношенія и прослѣдить ходъ развитія, которое на Востокѣ въ то время, къ какому относятся наши первыя свѣдѣнія, уже принадлежитъ прошлому, то мы должны обратиться къ Греціи ¹⁾.

Я не стану здѣсь разбирать древнѣйшую стадію развитія Греціи, микенскую эпоху, хотя полагаю, что

1) Наряду съ греками намъ можетъ многое объяснить развитіе тѣхъ народовъ Востока, которые поздно и непосредственно изъ первобытнаго состоянія вступили въ кругъ великихъ культурныхъ народовъ, и у которыхъ именно поэтому сохранились свѣдѣнія также о первоначальныхъ стадіяхъ; таковыя прежде всего евреи и затѣмъ, спустя полторы тысячи лѣтъ, арабы.

уже здѣсь можно многое распознать отчетливо ¹⁾. Но достовѣрность моей реконструкціи оспаривается, и полной картины дѣйствительно невозможно нарисовать. Укажу лишь на то, что памятники этого времени на первый взгляд обнаруживаютъ сильное восточное вліяніе, которое доказываетъ, что и здѣсь торговля съ самаго начала является однимъ изъ главныхъ средствъ распространенія и развитія культуры ²⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ эпоха, которую я называлъ греческимъ средневѣковьемъ,—эпоха владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни, когда землевладѣніе со скотоводствомъ и земледѣліемъ достигло полного развитія, когда вырабатывается форма городского государства, которое съ тѣхъ поръ остается типичнымъ представителемъ древней культуры.

Несмотря на сходство основныхъ чертъ, между отдѣльными областями этой эпохи существуютъ все-таки глубокія различія въ отношеніи политическаго и экономическаго строя, какъ онъ выработался частью изъ условій той отдаленной эпохи, когда населеніе еще не достигло полной осѣдлости, частью же изъ

¹⁾ См. мою «Исторію древности», т. II.

²⁾ Въ моей «Исторіи» я считалъ за посредниковъ, сообразно съ господствовавшими до сихъ поръ взглядами, финикіянь. Но послѣ того, какъ Максъ Мюллеръ (*Asien und Europa nach altägypt. Denkmälern*, 1893) доказалъ, что кафты египетскихъ надписей, владѣвшіе искусствомъ, близкимъ къ микенскому, совершавшіе большія морскія путешествія и господствовавшіе надъ островами Средиземнаго моря, были не финикіянами, а жителями Малой Азіи, пожалуй даже Киликіи, — слѣдуетъ полагать, что процессъ перенесенія восточной культуры въ Грецію былъ сложнѣе, чѣмъ можно было до сихъ поръ думать, и что здѣсь найдено для него новое связующее звено.

строю могущественнаго микенскаго царства. Въ Спартѣ и Критѣ, вмѣстѣ съ политическимъ равенствомъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, которые всѣ живутъ въ центрѣ округа, и вмѣстѣ съ традиционными общими обѣдами ¹⁾ удержались по крайней мѣрѣ остатки древняго поземельнаго владѣнія военной общины; земля обрабатывается крѣпостными, принадлежащими скорѣе государству, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ; ихъ податями въ Критѣ покрываются расходы на сисситіи, т.-е. общественные обѣды, тогда какъ въ Спартѣ, по первоначальному порядку, каждому полноправному гражданину и его семьѣ отводится земельный надѣлъ. Въ Іоніи и сосѣднихъ областяхъ, наоборотъ, вполнѣ развилось господство аристократіи. Здѣсь знатнымъ родамъ, богатство которыхъ заключается преимущественно въ огромныхъ стадахъ, принадлежитъ и бѣльшая часть земли, воздѣлываемой арендаторами и поденными рабочими; вмѣстѣ съ формой городского государства здѣсь вполнѣ утвердилось аристократическое правленіе. Наоборотъ, въ другихъ частяхъ Греціи, напр. въ Атикѣ, Беотіи и большей части Пелопоннеса, рядомъ съ городомъ сохранилась и деревня (часто дѣло вовсе еще и не дошло до образования города), рядомъ съ крупнымъ землевладѣльцемъ—мелкій собственникъ, который, хотя не участвуетъ въ правленіи и подлежитъ суду благородныхъ, однако владѣетъ участкомъ земли и обрабатываетъ его самъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, наемными ра-

¹⁾ Въ моей «Исторіи» я пытался выяснитъ громадное значеніе порядка, по которому всѣ обѣды, соединенные съ убоемъ скота, происходили сообща, и исторію этого учрежденія въ позднѣйшее время.

бочими ¹⁾ и собственными рабами ²⁾. Объ этомъ крестьянскомъ хозяйствѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало около 700 года до Р. Х. въ Беотіи, даетъ намъ ясное представленіе ³⁾ Гезіодъ въ своемъ стихотвореніи о работѣ ⁴⁾.

Въ эту эпоху, точное изображеніе которой сохранилось въ поэмахъ Гомера, автономное хозяйство отдѣльнаго дома дѣйствительно является основной экономической формой. На одной сторонѣ мы видимъ благородныхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, которые живутъ трудомъ своихъ подчиненныхъ и за то защи-

¹⁾ Гезіодъ, ор. 602, гдѣ дается совѣтъ искать холостыхъ рабочихъ (*θητες*) и бездѣтныхъ работницъ; «работница (*επιδοσ*), кормящая грудью—буза».

²⁾ *δμῶες*, Гезіодъ, ор. 459, 470, 502, 573, 597, 608. Но во всякой работѣ долженъ, конечно, принимать участіе и самъ крестьянинъ.

³⁾ Здѣсь я могъ, конечно, намѣтить только основныя черты греческаго средневѣковаго строя, который я пытался подробно описать въ своей «Исторіи» (т. II). Такъ, организація родовыхъ союзовъ, несмотря на всю ея важность, здѣсь не могла быть разобрана.

⁴⁾ Мнѣ много разъ случалось встрѣчать переводъ выраженія *ἔργα καὶ ἡμέραι* чрезъ «дневная работа». Кто такъ переводитъ, тотъ навѣрное никогда не видѣлъ этого стихотворенія. Оно состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая, содержащая указанія относительно того, какъ слѣдуетъ работать, чтобы обогатиться, принадлежитъ самому Гезіоду. (Онъ знаетъ и обсуждаетъ только два рода занятій, единственные, которые кажутся ему приличными: земледѣліе и мореплаваніе.) Позднѣе къ этому трактату прибавилось приложеніе о «дняхъ», т.-е. о хорошемъ или дурномъ значеніи cadaго дня въ мѣсяцѣ, иначе говоря, — о выборѣ дней, а затѣмъ еще *εργονόμος*, т.-е. руководство для предсказаній по полету птицъ. Эта часть была отвергнута древними критиками и потому не сохранилась.

щаютъ ихъ, съ другой—многочисленную, частью крѣпостную, частью же хотя свободную, но въ политическомъ отношеніи вполнѣ зависимую массу крестьянъ, арендаторовъ, поденщиковъ и нищихъ ¹⁾. Въ хозяйствѣ знатнаго челоуѣка участвуетъ множество рабочихъ, которые работаютъ въ его имѣніяхъ, пасутъ его стада и исполняютъ все, что необходимо въ домашнемъ хозяйствѣ: ткуть, прядутъ, пекутъ хлѣбъ, закалываютъ скотъ и т. д. Правда, купленныхъ рабовъ въ гомеровскую эпоху еще немного, но тѣмъ больше количество крѣпостныхъ слугъ и плѣнныхъ, похищенныхъ, купленныхъ невольницъ. Это—тотъ порядокъ вещей, который складывается всюду, гдѣ сельское хозяйство играетъ господствующую роль въ жизни народа, и который понынѣ существуетъ въ деревняхъ, куда еще не проникла индустрія. И въ наши дни крестьянинъ со своими рабочими самъ дѣлаетъ все, что можетъ: печетъ хлѣбъ, рѣжетъ скотъ, ткеть, прядетъ, исполняетъ простыя столярныя и строительныя работы и т. д., а гдѣ его силъ недостаточно, тамъ помогаетъ сосѣдъ ²⁾. Однако составъ общества вре-

¹⁾ Въ обществѣ, подобномъ гомеровскому, нищенство является настоящей профессіей, составляющей для челоуѣка источникъ пропитанія: «горшечникъ сердится на горшечника, плотникъ на плотника, нищій завидуетъ нищему и пѣвецъ пѣвцу» (Гезіодъ, ор. 25), т. е. каждый завидуетъ товарищу по профессіи и смотритъ на него, какъ на соперника, отбивающаго у него хлѣбъ. См. у Гомера изображенія Ироса и переодѣтаго нищимъ Одиссея.

²⁾ Гезіодъ неоднократно совѣтуетъ помогать сосѣду, гдѣ возможно (потому что хорошій сосѣдъ—большая выгода), но никогда не полагаться на его помощь. „Легко сказать: займи мнѣ пару воловъ и повозку; но легко и отказать: у воловъ есть своя работа“ (ор. 453 сл.).

мень Гомера не исчерпывается противоположностью между крупными землевладельцами и мелкими крестьянами, крепостными и поденщиками. Какъ и у насъ, каждая деревня въ гомеровскую эпоху имѣетъ своихъ ремесленниковъ.

Самыми древними ремесленниками являются кузнецы-литейщики—*χαλκεις*; если ихъ ремесло и не такъ старо, какъ изобрѣтеніе литейнаго искусства, то оно все-таки появилось уже въ то время, когда техника послѣдняго усовершенствовалась и стала требовать специальной снаровки¹⁾. Поэтому кузнецы имѣютъ и представителя среди олимпійскихъ боговъ—Гефеста. Онъ хромъ, потому что кузнецы большею частью хромы. Дѣло въ томъ, что при первобытныхъ условіяхъ выборъ рода занятій въ значительной степени зависитъ отъ физическихъ свойствъ даннаго лица: слѣпой становится пѣвцомъ, хромой, обладающій здоровымъ тѣломъ, не можетъ обрабатывать землю и пасти скотъ, но хорошо управляется съ молотомъ и мѣхами. Затѣмъ слѣдуетъ обширное сословіе артистовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—музыкантовъ, танцоровъ, паяцовъ, пѣвцовъ,—достигающее высшаго развитія, когда знатные люди во время празднествъ, правда, еще подвизаются на поприщѣ этихъ искусствъ, но въ обыкновенное время находятъ болѣе занимательнымъ и удобнымъ сидѣть за кубками и заставлять другихъ пѣть и танцовать передъ собою и своими гостями. Эти три сословія мы встрѣчаемъ уже въ древнѣйшемъ еврейскомъ

¹⁾ Въ Гомеровскую эпоху кузница, какъ и «лесха», служитъ общественнымъ клубомъ, куда сходятся сосѣди для бесѣды, особенно въ зимнее время, когда каждый ищетъ огня, чтобы погрѣться. Здѣсь-же нищие находятъ и пріютъ на ночь. См. Od. с 328; Гезіодъ, ор. 493.

сказаніи о распространеніи человѣческаго рода¹⁾ (Быт. 4). Здѣсь у Ламеха, прародителя людей, есть три сына: Явалъ, «пращуръ живущихъ въ шатрахъ со стадами», т. е. большей части членовъ племени,—тѣхъ, которые живутъ самостоятельнымъ хозяйствомъ; Ювалъ, «отецъ всѣхъ играющихъ на гусяхъ и свирѣли», и Тувалкаинъ, «ковачъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Къ этимъ первымъ ремесленникамъ съ развитіемъ цивилизаціи присоединяются все новые. Рядомъ съ литейщиками, *χαλκεις*, появляются гончары, *κεραμεις*, изготовляющіе изъ глины подражанія дорогимъ металлическимъ издѣліямъ; къ нимъ примыкаютъ дѣйствительные художники, работающіе изъ камня, глины и металла: далѣе слѣдуютъ *τεκτων δοορων*, плотникъ, строящій дома для людей и боговъ, плуги (Гезіодъ, ор. 430) и корабли; *μυτικς*, толкующій полетъ птицъ и другія прадзнаменованія, а позже и жертвенныя примѣты, —лицо, необходимое для каждой общины и для каждаго властителя, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время; врачъ; *ητρος*, общественный глашатай и служитель. Всѣ эти люди—*δημοιργοι*, т. е. они работаютъ для членовъ общины, а не для самихъ себя²⁾; они лично свободны, но не считаются полноправными; они стоятъ ниже полноправныхъ членовъ общины, мелкихъ крестьянъ. Часто они не имѣютъ осѣдлости, а переходятъ съ мѣста на мѣсто; если ихъ имя пользуется извѣстностью, то нерѣдко ихъ приглашаютъ издалека.

¹⁾ Сказаніе о потоцѣ и происхожденіи людей отъ Ноя и его сыновей есть, какъ извѣстно, позднѣйшая вставка.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи слово *δημοιργος* имѣетъ, рядомъ съ значеніемъ «ремесленникъ», еще совершенно другое: «человѣкъ, вѣдающій общественныя дѣла», т. е. магистратъ.

«Кто станетъ звать къ себѣ въ домъ чужеземца», говоритъ Эвмей въ Одиссеѣ (р 382), «развѣ только ремесленника, прорицателя, врача, плотника или наконецъ пѣвца, улаждающаго своими пѣснями?»

Однако общины не могутъ удовлетвориться этой замкнутой жизнью; потребность въ дорогихъ товарахъ и художественныхъ произведеніяхъ другихъ странъ сказывается во всѣ времена. Совершенно вѣрно, что всѣ эти предметы добываются преимущественно грабежомъ, точно такъ-же, какъ, на примѣръ, рабы и рабыни; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Грецію приѣзжаютъ чужестранные купцы, особенно финикіяне, да и сами греки начинаютъ въ качествѣ купцовъ и мореплавателей совершать путешествія въ далекія страны и закупать чужіе товары. Въ позднѣйшемъ эпосѣ—особенно въ Одиссеѣ—морская торговля является уже вполне установившеюся; торговля поѣздки въ Египетъ и Финикію не кажутся ему чѣмъ-либо необыкновеннымъ и исключительнымъ ¹⁾. Обыкновенно «капитана корабля и купца, заботящагося о своемъ грузѣ и стремящагося къ товарамъ и быстрой наживѣ» (Одиссея, ѳ 161) гомеровское общество не считаетъ равнымъ себѣ, но и благородные не стѣсняются принимать участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ—на примѣръ, Мене-

¹⁾ При пользованіи Одиссеей не слѣдуетъ смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что героямъ Троянской войны приходится преодолевать при ихъ морскихъ путешествіяхъ всевозможныя затрудненія и опасности. Эта черта принадлежитъ мнѣю и была обязательна для поэта. Сами пѣвцы, по видимому, вполне свыклись съ моремъ и переѣздъ черезъ Эгейское море представляется имъ обычнымъ и вовсе не опаснымъ дѣломъ. Напротивъ, Гезіодъ, какъ крестьянинъ, привыкшій къ твердой землѣ, чувствуетъ зильнѣйшее обращеніе къ морскимъ путешествіямъ.

лай и Одиссей. Во времена Гезіода морская торговля проникла уже въ Беотію, хотя послѣдняя по своимъ естественнымъ свойствамъ является чисто-земледѣльческой страной. Гезіодъ принужденъ допустить рядомъ съ земледѣліемъ еще одно приличное для благороднаго челоуѣка занятіе—плаваніе съ нагруженнымъ кораблемъ, и признать, что оно можетъ приносить большой доходъ, хотя ему лично оно крайне несимпатично; онъ только совѣтуетъ не все нагружать на одинъ корабль, а больше оставлять дома, чтобы въ случаѣ кораблекрушенія не лишиться всего имущества.

Начиная съ восьмого столѣтія морская торговля Греціи быстро развивается. Это—эпоха колонизаціи, когда эллины заселяютъ всѣ побережья Средиземнаго моря отъ Кавказа и Крыма до Сициліи и Кампаніи. Въ это время развиваются оживленныя торговыя сношенія съ мѣстными племенами, со скивами Южной Россіи, съ еракійцами, туземцами Малой Азіи, съ ливійцами, италійскими племенами, особенно латинами и этрусками, и интенсивность этого торговаго движенія подтверждается не только литературными данными, но и болѣе конкретно—многочисленными экспортированными предметами, найденными при раскопкахъ, а также глубокимъ вліяніемъ греческой культуры на туземное населеніе. Сношенія съ Востокомъ также становятся все болѣе тѣсными; около 650 г. Египетъ открывается для греческихъ наемниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для греческихъ купцовъ; при Амазисѣ (569—525) всѣ греческіе торговые города принимаютъ участіе въ основаніи важнаго портоваго города Навкратиса въ западной Дельтѣ и строятъ себѣ здѣсь факторіи и святилища. Греческій купецъ проникаетъ даже въ древніе центры восточной торговли и успѣшно конкурируетъ съ финикіянами и сирійцами въ ихъ

собственномъ отечествѣ ¹⁾, такъ-же, какъ и въ западномъ морѣ, гдѣ къ концу седьмого вѣка фокейцы распространяютъ свои торговыя операціи до южной Испаніи (Тартесъ) и открываютъ устья По и Роны.

Открытіе такого огромнаго района и торговое, а часто и политическое господство надъ нимъ заставляютъ предполагать существованіе производства товаровъ. При малыхъ размѣрахъ и бѣдности греческой страны, естественные продукты могли составлять только часть вывозимыхъ товаровъ; таковы: масло изъ Аттики, вино съ Хіоса, Наксоса, Лесбоса и Тасоса, земледѣльческіе продукты изъ Мегары и Беотіи, пурпуръ изъ Кіоеры и многихъ другихъ прибрежныхъ мѣстностей Греціи и Малой Азіи, мѣдь съ Эвбеи и Кипра, серебро изъ лаврійскихъ рудниковъ въ Атикѣ, золото съ Тасоса и противоположащихъ Пангейскихъ горъ, желѣзо изъ Лаконіи, тунецъ изъ Византіи и т. д. Гораздо бѣльшую роль играютъ искусственные продукты: въ Греціи развивается промышленность, работающая для вывоза. Такъ, жители Милета выдѣлываютъ главнымъ образомъ шерстяныя ткани, пурпурную одежду и ковры, которые они черезъ Сибарисъ отправляютъ въ Италію, особенно къ этрускамъ; съ ними соперничаютъ Хіосъ и Самось. Металлическими издѣліями, оружіемъ, сосудами, предметами украшенія славятся пре-

¹⁾ Характерно, что въ Киликіи, гдѣ греки, начиная съ седьмого столѣтія, основали немало факторій и колоній, арамейскій языкъ—официальный языкъ западныхъ провинцій персидской монархіи—въ эпоху владычества персовъ все болѣе и болѣе вытѣсняется на монетахъ греческимъ. Еще гораздо дальше проникаетъ, конечно, греческое искусство рѣзьбы печатей и употребленіе греческихъ изображеній на монетахъ, которое, не смотря на ожесточенное сопротивленіе, укореняется, напѣимѣръ, въ Карфагенѣ.

имущественно Коринѣю, Халкида и Аргось. Изъ Кирены, Фивъ и Сициліи получались лучшія колесницы; Эгина производила главнымъ образомъ мелочные и галатерейные товары, мази и пр. Важное значеніе имѣли глиняные издѣлія, особенно вазы, украшивавшіяся первоначально геометрическимъ и растительнымъ орнаментомъ, а позднѣе сценами изъ жизни и мифологіи. Эти вазы употреблялись частью какъ сосуды для вывоза масла, вина, мазей и т. п., частью (лучшіе экземпляры)—въ качествѣ домашней утвари; самыя дорогія изъ нихъ, очевидно, искони служили предметомъ роскоши, и ими пользовались развѣ только въ исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ. Съ ихъ помощью мы можемъ еще теперь прослѣдить конкуренцію отдѣльныхъ фабрикъ и различныя стадіи въ исторіи торговли ¹⁾. Во всѣхъ крупныхъ центрахъ греческаго міра развивается мѣстное глиняное производство съ мѣстнымъ-же стилемъ украшеній, которое старается пріобрѣсти для себя внѣшніе рынки. Такъ, въ Эоліи, Іоніи, Родосѣ и Киренѣ; но первое мѣсто принадлежитъ Халкидѣ и Коринѣю, снабжавшимъ глиняными сосудами всю Италію и Сицилію. Съ начала шестого вѣка все замѣтнѣе становится конкуренція Аѣинъ, и благодаря преросходству своихъ издѣлій и талантливости художниковъ, расписывавшихъ вазы,

¹⁾ Мы еще не всегда можемъ сказать съ увѣренностью, сами-ли фабриканты вывозили свои глиняныя издѣлія, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредниками при экспортѣ служили торговые города, какъ Эгина. А что мѣстная промышленность маленькихъ общинъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи, старалась поддѣлывать иностранные товары, особенно вазы, и такимъ образомъ ввозъ во многихъ пунктахъ вызывалъ мѣстную конкуренцію, объ этомъ едва-ли нужно говорить.

онѣ отнимаютъ у своихъ старшихъ соперниковъ одинъ рынокъ за другимъ. Такимъ образомъ онѣ завоевали въ концѣ концовъ почти всю Италію и приобрѣли обширный рынокъ на сѣверномъ берегу Понта. Ввозились въ Грецію всевозможные сырые продукты, затѣмъ рабы, преимущественно съ береговъ Понта и изъ Фракіи, но также изъ Малой Азіи и Сиріи. Востокъ вывозитъ въ Грецію продукты своей промышленности, которая въ нѣкоторыхъ отрасляхъ еще далеко превосходитъ греческую, Италія—необработанную мѣдь: уже въ одномъ изъ позднѣйшихъ мѣстъ Одиссеи говорится о царѣ Топировъ—Ментесѣ, везущемъ въ Италію грузъ желѣза, чтобы обмѣнять его на мѣдь изъ Темезы (Темпсы) (*α* 184). Далѣе, въ Этруріи литейное дѣло съ самаго начала развивалось совершенно самостоятельно: этрусскія мѣдныя чаши, оружіе и домашняя утварь высоко цѣнились въ Греціи даже въ эпоху расцвѣта Аѳинъ (*Critias, Eleg. 1, 8*). Но самымъ важнымъ предметомъ ввоза былъ хлѣбъ, ибо чѣмъ болѣе возростало благодаря культурному расцвѣту количество населенія, тѣмъ болѣе, при малыхъ размѣрахъ плодородной земли въ Греціи, не только чисто промышленныя мѣстности, но и такія страны, какъ Атика, нуждались въ привозномъ хлѣбѣ. Уже Солонъ запретилъ вывозъ всѣхъ полевыхъ продуктовъ, кромѣ масла, а это доказываетъ, что уже въ тѣ времена Атикѣ хватало своего хлѣба только при очень обильномъ урожаѣ (*Plut. Sol. 24*). Важнѣйшими хлѣбными странами являются южная Италія и Сицилія, гдѣ цвѣтущія греческія общины владѣютъ обширными участками пахотной земли, воздѣлываемыми порабощеннымъ туземнымъ населеніемъ, а также житница Европы—сѣверное побережье Чернаго моря и особенно Крымъ.

Переправляясь черезъ Геллеспонтъ, Ксерскъ встрѣчаетъ корабли, везущіе понтійскій хлѣбъ въ Эгину и Пелопоннесъ (*Гер. VII, 147*), и уже за сто лѣтъ до этого первымъ внѣшнимъ предпріятіемъ Аѳинъ, когда онѣ дѣлали только первые шаги къ тому, чтобы завоевать себѣ мѣсто въ греческой торговлѣ, была попытка укрѣпиться у устья геллеспонтскаго торговаго пути, въ Сигеѣ ¹⁾.

Результатомъ этого развитія былъ коренной переворотъ въ условіяхъ гомеровскаго времени. Новая промышленность и вообще все производство для торговыхъ цѣлей, на примѣръ, винодѣліе, овцеводство и др., требуютъ большого числа рабочихъ рукъ. Естественный приростъ населенія не удовлетворяетъ этому спросу, тѣмъ болѣе, что излишекъ населенія ежегодно отливаетъ изъ тѣсной родины въ колоніи, чтобы здѣсь приобрести участокъ земли или инымъ образомъ обогатиться; притомъ, крестьяне и мелкіе городскіе ремесленники мало склонны, да и мало способны къ фабричному труду. Вслѣдствіе этого теперь

¹⁾ Этотъ очеркъ, конечно, далеко не исчерпываетъ матеріала. Для подробностей см. извѣстные труды Büchsen-schütz'a, *Besitz und Erwerb im griech. Altertum*, 1869, и *Die Hauptstätten des Gewerbflusses im klass. Altertum* («Preisschriften der Jablonowskischen Ges.», XIV, 1869) и Blümner'a *Technologie der Griechen und Römer* (также въ его новой обработкѣ отдѣла о частныхъ древностяхъ въ *Griechische Antiquitäten Hermann'a т. IV*). Ни одно изъ этихъ произведеній не даетъ картины исторической эволюціи, а только систематическій сводъ матеріала изъ всѣхъ періодовъ. Такой способъ изученія древности, къ сожалѣнію, очень распространенъ и въ политеко-экономическихъ сочиненіяхъ, но историки должны энергично бороться противъ него.

развивается ввозъ рабовъ, постоянно возрастающій соразмѣрно съ развитіемъ и распространіемъ промышленности и торговли. Первыми, кто сталъ въ значительномъ количествѣ ввозить изъ чужихъ странъ купленныхъ за деньги рабовъ (*ἀρρορώηται*, не имѣющихъ ничего общаго съ крѣпостными и рабами-землепашцами прежнихъ временъ), преданіе называетъ хіотовъ; но и Милетъ, Коринѳъ, Эгина, Халкида и остальные торговые города не могли обходиться безъ рабовъ, и ихъ число здѣсь все возрастаетъ, часто далеко превосходя число свободныхъ жителей.

Вмѣстѣ съ торговлей въ Грецію проникаютъ денежное обращеніе и денежное хозяйство. Въ гомеровское время товары просто обмѣнивались одинъ на другой, какъ въ Египтѣ, и за мѣрило цѣнности принимался рогатый скотъ и овцы, какъ въ древнемъ Римѣ (*rescipia*), да изрѣдка, можетъ быть, еще драгоценныя мѣдные сосуды, а въ позднѣйшую эпоху—также слитки мѣди ¹⁾ или желѣза, иногда золота и серебра. Теперь, вмѣстѣ съ восточными мѣрой и вѣсомъ, проникаетъ въ Грецію и восточный способъ обмѣна; благородные металлы, свѣшиваемые въ опредѣленномъ отношеніи цѣнности (золото: электронъ: серебро=13¹/₃ : 10 : 1) по единицамъ вѣсовой системы, становятся господствующими мѣрилами цѣнности, единственными посредниками въ торговлѣ; всѣ товары сравниваются съ ними и обмѣниваются одинъ на другой сообразно своей денежной стоимости. На границѣ греческаго и восточнаго міра, въ Лидіи, служившіе деньгами благородные металлы получили въ седьмомъ вѣкѣ ту форму, которую сохранили и по-

¹⁾ То-же было повсюду и въ Италиі; отсюда заключеніе мантицианціонной сдѣлки *per aes et libram*.

нынѣ: форму монеты, т.-е. единицы опредѣленнаго вѣса, выпущенной за поручительствомъ государства, въ формѣ удобной для обращенія. Изъ Лидіи монета быстро распространилась по всему греческому міру и Италиі, а потомъ—гораздо медленнѣе—и въ восточныхъ культурныхъ странахъ персидской монархіи.

Благодаря появленію денегъ и развитію общей торговли, обнимающей всѣ государства и страны, кореннымъ образомъ измѣняются и социальныя и экономическія условія; отсюда возникаетъ социальный кризисъ седьмого и шестого вѣковъ,—то революціонное движеніе, которое приводитъ къ уничтоженію владычества аристократіи ¹⁾. Мнѣ нѣтъ надобности подробно объяснять здѣсь, какъ, благодаря вторженію денежнаго хозяйства, расшатываются старыя патріархальныя отношенія, какъ крестьянинъ запутывается въ долгахъ и разоряется, какъ капиталистическіе взгляды проникаютъ въ крупное землевладѣніе. Крестьянинъ уже не можетъ обмѣнивать производимыхъ имъ продуктовъ на тѣ, которые ему нужны; явился посредникъ—деньги, и рыночныя цѣны зависятъ отъ положенія крупной торговли, отъ ввоза заморскихъ продуктовъ. Для того, чтобы пріобрѣсти одежду и жизненные припасы, чтобы пополнить свой инвентарь, чтобы прокормить себя и свою семью въ неурожайные годы, онъ долженъ имѣть деньги, а такъ какъ у него ихъ нѣтъ, то онъ занимаетъ ихъ подъ ростов-

¹⁾ О духовныхъ факторахъ, которые, въ тѣснѣйшемъ взаимодействіи съ матеріальными, способствовали разрушенію средневѣковыхъ условій и народженію новаго строя, здѣсь, конечно, не мѣсто говорить. Подробно изобразить этотъ процессъ я попытался во второмъ томѣ моей «Gesch. d. Alt.»

щические проценты и затѣмъ, въ случаѣ несостоятельности, онъ самъ, его семья и имущество подпадаютъ всей строгости неумолимаго долговаго права. Той-же опасности подвергается и поручитель: «поручись—и ты въ несчастіи» (*ἐγγύα, παρὰ δ'ἄτα*) гласитъ изреченіе мудраго спартамца Хилона. Но не въ лучшемъ положеніи находится и крупный землевладѣлецъ. Не одно лишь корыстолюбіе, стремленіе къ наслажденіямъ, роскоши и бездѣлю побуждаютъ его неумолимо взыскивать арендную плату, продавать въ рабство своихъ неисправныхъ должниковъ, округлять свои владѣнія путемъ покупокъ, насилія и обхода законовъ, вытѣснять свободныхъ крестьянъ съ ихъ участковъ: и ему нужно все больше и больше денегъ, чтобы при измѣнившихся условіяхъ сохранять то положеніе въ обществѣ, которое соотвѣтствуетъ его сословному рангу. Цѣнность произведеній сельскаго хозяйства все уменьшается, частью потому, что ввозъ понижаетъ цѣны, частью потому, что новые промыслы даютъ гораздо болѣшую прибыль, и потому жизнь становится все дороже, а деньги все дешевле ¹⁾. Поэтому естественно, что и благородные начинаютъ принимать участіе въ торговлѣ и мореплаваніи и отправляются въ чужія страны въ качествѣ купцовъ, какъ Медонтидъ Солонъ изъ Аѳинъ,—что въ торговыхъ городахъ возникаетъ купеческая аристократія, тогда какъ земледѣліе часто приходитъ въ совершенный упадокъ. Именно потому, что деньги еще сравнительно рѣдки, стремленіе къ нимъ тѣмъ сильнѣе. «Деньги дѣлаютъ

¹⁾ Колоссальное паденіе цѣнности денегъ въ періодъ времени отъ Солона до Пелопоннесской войны и далѣе до Александра всѣмъ извѣстно и не требуетъ подтвержденій. Ср., напримѣръ, Плут. Солонъ, 23.

человѣка» (*χρήματ' ἀνίρ*)—вотъ лозунгъ этого вѣка. Въ литературѣ этой эпохи, въ лирикѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ эту неутомимую, не знающую отдыха погоню за деньгами и наслажденіями, какъ отличительный признакъ времени; противоположность ей составляютъ разумная умѣренность и просвѣщенная житейская мудрость, которую проповѣдуютъ лирики и осуществляютъ въ жизни великіе государственные люди—семь мудрецовъ.

Тотъ-же кризисъ пережили—позднѣе, въ пятомъ и четвертомъ вѣкѣ, Римъ, а немного ранѣе, въ девятомъ и восьмомъ,—израильтяне. И у послѣднихъ онъ, въ связи съ обусловленнымъ міровыми отношеніями политическимъ положеніемъ государства, вызвалъ глубокое движеніе, представителями котораго являются пророки. Богатые и могущественные насилуютъ законъ, притѣсняютъ вдовъ и сиротъ, доступны подкупу и безъ усталости стремятся къ прибыли и наживѣ, продаютъ бѣдняка за пару башмаковъ (за которые онъ не въ состояніи заплатить) и роскошествуютъ неправеднымъ богатствомъ: все это, вмѣстѣ съ забвеніемъ истиннаго Бога и служеніемъ чужимъ богамъ, составляетъ тотъ тяжкій грѣхъ народа, въ которомъ упрекаютъ его пророки и который навлекаетъ на него законную кару. Пророки созданы аналогичными условіями и играютъ ту-же роль, что и греческіе лирики и семь мудрецовъ, съ тою лишь разницей, что у израильтянъ, въ противоположность Греціи, движеніе, кореннымъ образомъ преобразующее народъ, имѣетъ ясно выраженный религіозный характеръ и потому завершается созданіемъ новой религіи.

Благодаря развитію торговли и промышленности, между благородными и крестьянами появляется новое

сословіе городскихъ промышленниковъ—торговцевъ, купцовъ, матросовъ и вообще тѣхъ свободныхъ работниковъ, которые заняты въ новыхъ отрасляхъ производства. Въ союзѣ съ крестьянами они свергли владычество знати и на ея мѣсто поставили буржуазію.

Характерная черта греческой цивилизаціи, въ отличіе отъ современной, заключается, какъ уже было сказано, въ томъ, что вся политическая жизнь сосредоточивается въ городѣ. Этимъ самымъ обуславливается дробленіе націи на безчисленныя мелкія государства. Поэтому для грека понятіе города и государства, горожанина и гражданина совпадаютъ; еще Аристотель не можетъ себѣ представить государство иначе, какъ въ формѣ города. До сихъ поръ городское государство—кромѣ нѣкоторыхъ отсталыхъ мѣстностей, гдѣ удержалась болѣе древняя форма областного государства—сохраняло свою первоначальную, наиболѣе рѣзкую форму—владычества городского населенія съ аристократіей во главѣ надъ политически зависимымъ сельскимъ населеніемъ. Теперь сельское населеніе эмансипируется, понятіе гражданства распространяется на всѣхъ жителей данной области—напримѣръ, всѣ жители Аттики становятся аѳинянами, гражданами Аѳинъ, понятія Аѳинъ и Аттики съ этихъ поръ политически тождественны,—для всѣхъ создается одно общее, болѣе или менѣе соответствующее новымъ условіямъ право, отмѣняющее, напримѣръ, порабощеніе несостоятельныхъ должниковъ точно такъ-же, какъ и произвольную кровную месть, ведущее энергичную борьбу противъ роскошной и безнравственной жизни аристократіи и ея любви къ блеску, устраняющее привилегіи знати и произволь чиночниковъ. Сюда часто

присоединяются тяжелые экономическіе кризисы, которые влекутъ за собой прощеніе долговъ, конфискацію имуществъ, изгнаніе аристократовъ и раздѣлъ ихъ земли между бѣднѣйшимъ населеніемъ, подчасъ даже захватъ единоличной власти. Результатомъ этого процесса являются повсюду, гдѣ старый строй не поддерживается искусственнымъ образомъ, какъ въ Спартѣ, или гдѣ не овладѣваетъ властью реакціонная партія, превращеніе патріархальнаго государства въ правовое государство съ твердыми писанными законами, которымъ подчинены чиновники,—суверенитетъ гражданской общины, избирающей и контролирующей чиновниковъ и и рѣшающей въ послѣдней инстанціи важнѣшіе политическіе вопросы, а часто и судебныя дѣла, — равенство всѣхъ передъ закономъ,—отмѣна всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій ¹⁾ и распредѣленіе финансовыхъ и военныхъ повинностей, а до поры-до времени еще и политическихъ преимуществъ (какъ напримѣръ, права быть избраннымъ въ различныя должности, въ со- вѣтъ, въ судъ) сообразно съ экономической силой каждаго²⁾.

¹⁾ За исключеніемъ нѣкоторыхъ почетныхъ привилегій преимущественно религіознаго свойства.

²⁾ Входятъ въ разсмотрѣніе военныхъ условій, игравшихъ большую роль въ этомъ развитіи, здѣсь не мѣсто. Представителями такъ называемой умѣренной демократіи были *ἐπίτα παράροτος*, гражданское войско, состоявшее изъ тяжело-вооруженныхъ копьеносцевъ, которые вооружались на собственные средства и сражались сомкнутой фалангой. Всадники и сражавшіеся на колесницахъ воины времени господства знати утратили свое значеніе или совершенно исчезли; немущая масса, вѣты солонвскаго строя, привлекается на службу только какъ вспомогательное войско (большою частью въ качествѣ легко-вооруженныхъ); набран-

Мы не можемъ долго останавливаться на политическомъ развитіи. Экономическія условія обнаруживаютъ значительное разнообразіе: въ глубинѣ полуострова и въ тѣхъ областяхъ западной Греціи, которыя лежали въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей, новыя условія сказываются только медленно и несовершенно; напротивъ, на берегахъ Эгейскаго моря мы всюду находимъ чисто торговые и промышленные города ¹⁾. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить Эгина, маленький, скалистый и бесплодный островъ въ серединѣ Сароническаго залива, устроившій себѣ искусственную гавань и сдѣлавшійся въ шестомъ вѣкѣ, благодаря своему [выгодному положенію, чуть-ли не важнѣйшимъ] торговымъ портомъ греческаго міра. Ея корабли плаваютъ по всѣмъ морямъ, ея купцы наживаютъ баснословныя богатства ²⁾. Помимо торговаго флота, она владѣетъ и сильной военной эскадрой ³⁾.

ные изъ ихъ среды гоплиты вооружаются на счетъ государства.

¹⁾ Къ сожалѣнію, невозможно рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ какой степени слѣдуетъ и слѣдуетъ-ли вообще отличать торговые города отъ промышленныхъ. Известно, что нѣкоторые порты получали гораздо большую прибыль отъ перепродажи чужихъ товаровъ, чѣмъ отъ торговли мѣстными произведеніями.

²⁾ Самый богатый купецъ, котораго знаетъ Геродотъ, — эгинянинъ Состратъ, сынъ Лаодама; вторымъ онъ называетъ Колая самосскаго, совершившаго первое путешествіе въ Таргессъ (IV, 152). Далѣе (IX, 80) Геродотъ сообщаетъ анекдотъ о происхожденіи богатства эгинянь.

³⁾ Къ 30 триэрамъ, сражавшимся при Саламинѣ, нужно прибавить тѣ, которые остались для прикрытія самого острова на случай нападенія (Герод. VIII, 46). Въ 459 г. афиняне въ морской битвѣ отнимаютъ у эгинянь и ихъ союзниковъ 70 кораблей и затѣмъ, послѣ покоренія острова, за-

На островѣ, который теперь, какъ и въ позднѣйшую пору древности, прокармливаетъ всего нѣсколько тысячъ жителей (въ 1879 году—6,100), развивается оживленная промышленность, дающая работу огромному количеству рабовъ (см. ниже). Но еще гораздо большую прибыль получаютъ эгиняне очевидно отъ торговли чужими товарами и иностраннымъ зерномъ. Съ Коринѣомъ, ближайшимъ большимъ торговымъ городомъ, Эгина находится въ самой ожесточенной враждѣ; но надъ всѣмъ остальнымъ Пелопоннесомъ она властвуетъ въ торговомъ отношеніи: здѣсь вездѣ приняты эгинскія мѣры и эгинская денежная система, распространенная также и въ средней Греціи и на островахъ, тогда какъ Коринѣ, опираясь на Халкиду, развиваетъ собственную монетную систему. Характерно, что Корцира завершаетъ свое отложеніе отъ Коринѣа принятіемъ эгинской валюты. Въ древнѣйшее время и Атика находилась въ торговой зависимости отъ Эгины. Первымъ шагомъ къ ея эмансипаціи является введеніе Солономъ халкидскихъ мѣръ и цѣнь вмѣсто эгинскихъ. Затѣмъ въ концѣ шестого столѣтія начинается ожесточенная борьба между обоими государствами, въ которой Коринѣ сначала дѣятельно поддерживаетъ Афины, пока онѣ перерастаютъ и его. Борьба оканчивается разрушеніемъ Эгины.

Аналогичныя условія мы встрѣчаемъ во многихъ іонійскихъ городахъ, гдѣ поземельная собственность находится въ полномъ упадкѣ ¹⁾. Установленіе тира-

ставляютъ ихъ выдать себѣ остальные военные корабли (Фукл. I, 105, 108).

¹⁾ Характеренъ для этого рассказъ Геродота о томъ, какъ милетяне въ 540 г., послѣ смуты тираниа и войнъ съ лидянами, когда значеніе Милета уже начало падать, обра-

ни не разъ представляетъ собою попытку соединить оба направленія: поддержать самостоятельность сельскаго хозяйства и въ то же время способствовать развитію торговли и внѣшняго могущества. Такъ, Кипсель и Періандръ коринѣскіе были основателями огромной колониальной державы Коринѣа; но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались поднять мелкое землевладѣніе; конфискація помѣстій изгнанныхъ аристократовъ давала имъ возможность надѣлять землю безземельныхъ; они противодѣйствуютъ стремленію сельскаго населенія въ городъ и запрещаютъ крестьянамъ переселяться въ городъ, возбраняютъ покупку рабовъ и требуютъ, чтобы каждый гражданинъ самъ работалъ и не издерживалъ больше, чѣмъ получаетъ дохода. Подобныя мѣры не могутъ держаться долго, особенно въ такой маленькой и неплодородной странѣ, какъ коринѣская область. Послѣ паденія тираніи Коринѣа становится вполнѣ торговымъ и промышленнымъ городомъ, въ которомъ работаетъ большое число рабовъ, да и большинство гражданъ живетъ промышленностью. «Въ то время, какъ варвары и греки—изъ послѣднихъ особенно лакедемоняне—вообще смотрятъ съ пренебреженіемъ на ремесленниковъ, въ Коринѣа менѣе всего презираютъ ремесленниковъ» говоритъ Геродотъ (II, 167. *ἤματα δὲ Κορινθίων ἀνεστάει τοὺς χειροτέχνους*). Въ

тились къ Паросу съ просьбою объ умиротвореніи ихъ города. Паросцы отправили въ качествѣ посредниковъ своихъ лучшихъ мужей. «Прибывъ въ Милетъ, они нашли дома (т. е. наслѣдственное имущество отдѣльныхъ семействъ) въ самомъ плачевномъ состояніи. Тогда они обошли всю милетскую область и, гдѣ находили въ разоренной странѣ хорошо обработанный участокъ земли, то записывали имя его влацѣльца. Они нашли во всей странѣ немного такихъ и этимъ они передали правленіе» (Герод. V, 29).

Аѣинахъ политика Писистратидовъ преслѣдовала тѣ же цѣли, какъ и политика коринѣскихъ тирановъ, и едва-ли съ лучшимъ успѣхомъ. Правда, здѣсь размѣры страны и развитіе культуры оливокъ, доставляющей цѣнный и вывозимый въ большихъ количествахъ сельско-хозяйственный продуктъ, препятствуютъ полному упадку земледѣлія, однако и здѣсь перевѣсъ все болѣе склоняется на сторону коммерческихъ интересовъ столичнаго населенія. Съ тѣхъ поръ, какъThemistoclees создалъ аѣинскій флотъ и борьба съ персами доставила Аѣинамъ владычество надъ берегами и островами Эгейскаго моря, аѣинская политика вполнѣ подчиняется интересамъ торговли, стремящейся охватить весь греческій міръ, уничтожить соперниковъ, подчинить себѣ все новыя и новыя страны, до Италіи и Сициліи, даже до Карфагена. Для того, чтобы сохранить и расширить свое морское могущество, Аѣины не останавливаются передъ рискомъ огромной войны, въ которой беззащитная страна подвергается всѣмъ ужасамъ непріятельскихъ нашествій. Всѣ попытки сельскаго населенія отстоять свои діаметрально противоположные интересы имѣютъ лишь мимолетный успѣхъ.

Теперь ясно, насколько ошибочна картина экономическаго развитія древности, нарисованная Бюхеромъ. Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому.

Экономическому развитію соотвѣтствуетъ и характеръ государственнаго устройства. Въ Спартѣ и отчасти на Критѣ старые полноправные граждане удержали за собою и землю, и политическія права; въ континентальныхъ государствахъ господствуетъ либо

аристократія, либо крестьянская демократія¹⁾; въ Эгинѣ, Коринѣ и др.,—подобно тому, какъ въ послѣдствіи, напримѣръ, на Родосѣ и въ Карѳагенѣ,—господствуетъ купеческая аристократія въ болѣе или менѣе демократическихъ формахъ. Въ Каринѣ, Карѳагенѣ, позднѣе и въ Родосѣ и другихъ городахъ эллинистической эпохи, низшія сословія—ремесленники, торговцы, наемные рабочіе, матросы—находятся въ такой тѣсной экономической зависимости отъ благосостоянія крупныхъ купцовъ и фабрикантовъ, а послѣдніе такъ искусно умѣютъ вести управленіе сообразно съ общими интересами и охранять себя отъ всякаго революціоннаго движенія, что оппозиція не можетъ возникнуть. Въ другихъ государствахъ, какъ Эгина, происходятъ возстанія, остающіяся, впрочемъ, безуспѣшными, тогда какъ, напримѣръ, въ Корцирѣ, гдѣ благодаря обилію и плодородію пахотной земли сельское населеніе играетъ гораздо болѣе важную роль, кровавая революція и перевороты составляютъ обычное явленіе. Во многихъ другихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Аргосѣ, Сиракузахъ, Тарентѣ и, прежде всего въ типичной формѣ, въ Аѳинахъ, развивается полная демократія, т. е. устраняется соразмѣрность гражданскихъ правъ съ величиной имущества и повинностей, тогда какъ пропорціональность обязанностей достатку, конечно, удерживается,—мало того, на состоятель-

¹⁾ Нерѣдко между той и другой дѣло доходитъ до ожесточенной борьбы и повторныхъ революцій, напр. въ Беотіи, Элидѣ, въ послѣдствіи и въ Аркадіи. Къ этой же категоріи относятся теперь и Мегара, потерявшая свое торговое значеніе въ слѣдствіе возвышенія Коринѳа, Эгипта и Аѳинъ, и живущая теперь, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и огородничествомъ.

ныхъ возлагается даже наибольшее бремя въ видѣ военной службы, общественныхъ повинностей (литургии), какъ снаряженіе военныхъ кораблей, устройство и содержаніе хоровъ, устройство обѣдовъ для членовъ филы, руководство гимназіями и устройство состязаній, затѣмъ въ видѣ экстраординарныхъ имущественныхъ налоговъ для военныхъ цѣлей (*εὐρορρά*)¹⁾. Такимъ образомъ власть переходитъ, если не юридически, то фактически, въ руки массы городского населенія. Какъ извѣстно, бѣднѣйшимъ гражданамъ дается возможность участвовать въ правленіи тѣмъ, что за государственныя функціи, за участіе въ совѣтѣ и судѣ, позднѣе и въ народномъ собраніи²⁾,

¹⁾ Теперь уже почти все признаютъ, что взглядъ Родбергуса на *εὐρορρά*, какъ на прогрессивный подоходный налогъ (Jahrb. f. Nationalök, VIII, 1867, стр. 453 сл.), неправиленъ. Но и мнѣніе Бѣка, его гипотеза объ отличномъ отъ общей суммы имущества податномъ капиталѣ, также не вѣрно. См. Beloch, Das Volksvermögen von Attika, въ Hermes XX (съ добавленіемъ въ т. XXII), а о солоновскихъ классахъ (основой которыхъ служили военныя повинности) и податяхъ—мою *Geschichte des Altertums II*, § 408.

²⁾ У Аристотеля (*Αἰθ. Πολ.* 41) введеніе платы за посѣщеніе народныхъ собраній спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Пелопоннесской войны, когда Аѳины находились въ полномъ упадкѣ, мотивируется тѣмъ, что иначе люди не приходили въ собраніе и потому не могло состояться никакихъ рѣшеній. Каждому приходилось заниматься своимъ промысломъ, и онъ не могъ безъ вознагражденія жертвовать своимъ временемъ (собранія начинались рано утромъ и продолжались очень долго, такъ что пропадалъ весь день). Плата выдавалась вначалѣ въ размѣрѣ 1 оболы (= $\frac{1}{6}$ драхмы = 7 коп.), но быстро повысилась до двухъ, а въ 391 г. до Р. X. до трехъ оболъ; во времена Аристотеля она равнялась 1 драхмѣ (около 40 к.), а за каждое изъ десяти главныхъ годовыхъ собраній (*ἐπιπέσια κέρια*)— $1\frac{1}{2}$ драхмамъ. Это

а также за отправленіе большей части должностей назначается вознагражденіе, и кромѣ того бѣднѣйшимъ гражданамъ все въ болѣешемъ размѣрѣ оказываются помощь и поддержка изъ государственныхъ средствъ путемъ выдачи хлѣба, денегъ на посѣщеніе театра и экстраординарныхъ денежныхъ субсидій ¹⁾. Состоятельные люди и сельское населеніе занимаютъ оборонительное положеніе по отношенію къ нимъ и время отъ времени дѣлаютъ неудачныя попытки снова свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о постоянно возростающей жадности массъ и безпрерывномъ паденіи цѣнности денегъ.

¹⁾ Диобелія, т. е. раздача по 2 обола на человѣка, была введена Клеофономъ во время кризиса, вызваннаго декелейской войной, когда сельское населеніе въ теченіе цѣлаго года было заперто въ стѣнахъ, и все источники заработка изсякли; къ концу войны она была увеличена Калликратомъ до 3 оболовъ (Арист. *Ἀθῆν. Πολ.*, 28). Вначалѣ она выдавалась, вѣроятно, только въ исключительныхъ случаяхъ, но документъ въ Corp. inser. Att. I, 189 показываетъ, что въ 407/6 году она выдавалась ежедневно, пока еще были деньги въ кассахъ. Очевидно, людямъ тогда не съ чего было жить. Ассигнованныя въ 410/9 г. суммы—ib. 188—назначались, какъ показываютъ ихъ размѣры, на нѣсколько дней. Послѣ того, какъ могущество аттической державы было во второй разъ сломлено въ 355 г., когда Эвбулъ сталъ во главѣ правленія и Аэяны отказались отъ крупной вѣшной политики, чтобы сдѣлаться вполнѣ торговымъ городомъ и вмѣстѣ духовнымъ центромъ, было, какъ извѣстно, рѣшено раздавать гражданамъ Эллады все остатки денегъ въ качествѣ *θεορίων*, и это постановленіе даже въ тяжелое время послѣдней войны съ Филиппомъ было отмѣнено только временно. Этимъ способомъ хотѣли примирить народную массу съ существующимъ строемъ, обезпечить перевѣсъ состоятельныхъ классовъ въ правленіи и получить возможность реорганизовать совершенно разстроенное государство. Ср. Beloch, *Die attische Politik seit Perikles*, стр. 178.

присвоить себѣ руководящую роль, которая, по ихъ мнѣнію, принадлежитъ имъ по праву.

Мы должны еще немного остановиться на Аэинахъ пятаго и четвертаго вѣковъ. Именно на ихъ примѣрѣ можно лучше всего опровергнуть ходячее мнѣніе, будто въ древности свободный человѣкъ не работалъ, а работали только рабы, да еще, пожалуй, чужестранцы-метэки. Оно основано на аристократическомъ представленіи, что свободный человѣкъ, имѣющій право принимать участіе въ политической жизни, долженъ быть экономически совершенно независимъ, что ему подобаешь заниматься только земледѣліемъ и, въ крайнемъ случаѣ, крупной торговлей или банкирскимъ дѣломъ, а ремесло и всякій низшій промышленный трудъ, при которомъ человѣкъ старается какимъ-бы то ни было путемъ нажить возможно больше денегъ, унижаютъ его ¹⁾. Этотъ взглядъ

¹⁾ Съ развитіемъ образованности прибавляется занятіе отвлеченными вопросами или, выражаясь языкомъ древнихъ, философія, прежде всего—самовоспитаніе. Въ четвертомъ вѣкѣ, вслѣдствіе политическаго упадка, философія все болѣе отодвигаетъ политическую дѣятельность на задній планъ и становится, по крайней мѣрѣ въ теоріи, важнѣйшимъ, почти единственнымъ занятіемъ свободного человѣка. Но и здѣсь сохраняется то-же различіе: люди, считающіе себя обладателями истиннаго знанія (*σοφισταί*) и продающіе его за деньги, жестоко осмѣиваются послѣдователями Сократа, и учитель краснорѣчія вродѣ Исократы, считающій себя, въ противоположность такимъ педантамъ, какъ Антисоенъ и Платонъ, представителемъ истинной философіи, смотритъ съ презрѣніемъ на «логографовъ», пишущихъ за деньги судебныя рѣчи, хотя онъ и самъ за свое преподаваніе беретъ крупную плату. Это—та-же противоположность, какая существуетъ между коммерсантомъ (*ἐμπόρος*) и лавочникомъ (*χίππηλος*).

сложился въ средневѣковую эпоху, отъ которой его заимствовала демократія. Послѣдняя есть, въ сущности, ничто иное, какъ распространеніе привилегій правящихъ классовъ на всю совокупность гражданъ; ка-кимъ образомъ послѣднимъ старались дать возможность участвовать въ правленіи, мы уже видѣли. Въ основѣ этого строя лежитъ тотъ принципъ, «что каждый можетъ радѣть одновременно и о своихъ собственныхъ дѣлахъ, и о дѣлахъ государства, и даже тотъ, кто занятъ какимъ-нибудь промысломъ, въ состояніи удовлетворительно обсуждать политическіе вопросы», «что при общемъ юридическомъ равенствѣ каждый пріобрѣтаетъ вліяніе не столько въ силу своего сословнаго положенія, сколько благодаря личнымъ достоинствамъ, и что бѣдному его низкое происхожденіе не препятствуетъ быть полезнымъ государству. Поэтому тотъ, кто лишень политическихъ правъ, является съ этой точки зрѣнія не индифферентнымъ гражданиномъ, какъ въ аристократическихъ государствахъ, а негоднымъ для государства челоувѣкомъ»¹⁾. Поэтому всѣ преграды устранены; добровольнымъ подчиненіемъ законамъ и имъ-же избраннымъ властямъ народъ долженъ доказать свое право на самоуправленіе.

Однако идеаль не оправдался на дѣлѣ. Уже вскорѣ

¹⁾ Фукид. II, 40 и 37 въ надгробной рѣчи Перикла. Здѣсь Фукидидъ, вовсе не будучи сторонникомъ неограниченной демократіи, далъ блестящую и—именно благодаря точности описанія—тѣмъ сильнѣе дѣйствующую картину великихъ идеаловъ, лежавшихъ въ ея основаніи. Во всей политической литературѣ врядъ-ли найдется что-нибудь равное этой картинѣ, и навѣрное нѣтъ ничего, что превосходило бы ее.

начали обнаруживаться его отрицательныя стороны, и онѣ выступали тѣмъ рѣзче, чѣмъ сложнѣе становились политическія и военныя задачи. Всеобщее равенство такъ-же мало обезпечивало общее благоразуміе и подчиненіе общимъ интересамъ, какъ судейской клятвой не гарантируется глухота противъ лжи сикофантовъ и адвокатскихъ уловокъ и забвеніе политическихъ и сословныхъ интересовъ¹⁾. Желая увлечь афинянъ къ энергическимъ мѣропріятіямъ, Клеонъ не разъ говорилъ имъ, что демократія неспособна проводить послѣдовательную внѣшнюю политику²⁾, и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи исходъ Пелопоннеской войны доказалъ его правоту. Главный же упрекъ заключался въ томъ, что демократія не дѣлаетъ различія между способнымъ и неспособнымъ, что въ то время, какъ всѣ остальные занятія и ремесла нужно

¹⁾ «Не разъ, когда обвиняемые теперь хотѣли добиться чьего-нибудь незаконнаго осужденія, они говорили вамъ, что если вы не осудите тѣхъ, чьего осужденія они требуютъ, то у васъ истощатся судебныя деньги», говоритъ Лисій въ одной политической обвинительной рѣчи (27. 1). Такой пріемъ въ процессахъ противъ богатыхъ людей былъ уже въ началѣ Пелопоннеской войны обычнымъ явленіемъ (Аристоф., Всадники, 1357). Лисій (30, 21) отмѣчаетъ, какъ нѣчто само собою понятное, «что совѣтъ поступаетъ вполне безукоризненно, пока есть деньги для правленія, но какъ только является нужда въ деньгахъ, онъ принужденъ принимать доносы, конфисковать имущества и слѣдовать за самыми дурными ораторами». Ср. Аристот. Pol. VII, 3, 3. Поэтому аристократическій авторъ анонимнаго трактата объ Афинскомъ государствѣ время Пелопоннеской войны говоритъ (1, 13): «Въ своихъ судахъ они заботятся больше о своей выгодѣ, чѣмъ о правосудіи».

²⁾ Таковъ смыслъ фразы: *δημοκρατίαν ἔτι ἀδυνατόν ἐστί ἐπέριον ἔργων* (Фукид. III, 37).

изучать и каждый остерегается обратиться къ сапожнику или архитектору, не разузнавъ, насколько онъ свѣдушъ въ своемъ дѣлѣ,—въ политической области всѣ должности (за исключеніемъ военныхъ, которыя требуютъ извѣстныхъ техническихъ знаній) для соблюденія полного равенства предоставляются по жребію первому встрѣчному и каждый имѣетъ право говорить и рѣшать, хотя толпа груба и невѣжественна, и каждый имѣлъ-бы достаточно работы, если-бы занимался собственными дѣлами. Это составляетъ постоянный припѣвъ въ разсужденіяхъ Сократа о политическихъ вопросахъ.

Такимъ образомъ, въ образованныхъ кругахъ греческаго общества взглядъ на цѣлесообразность демократіи измѣнился такъ-же быстро и рѣзко, какъ въ нашемъ столѣтіи. Алкивіадъ, рекомендуясь спартамцамъ, заявляетъ у Фукидида, что онъ не можетъ сказать ничего новаго о демократіи, ибо всѣ согласны, что она—безсмыслица ¹⁾. Поэтому люди стараются найти новый идеалъ государства. Политическія теоріи появляются во множествѣ, какъ грибы послѣ дождя. Но какъ ни новы и своеобразны эти проекты, всѣ они сходятся въ томъ, что ищутъ свой идеалъ въ прошломъ, въ старомъ аристократическомъ строѣ, въ критской и спартанской конституціи, впослѣдствіи даже въ монархіи, и что всѣ они рѣшительно, даже съ презрѣніемъ, отворачиваются отъ аттической демократіи. Таковы ученія Платона, Ксенофонта, Фалеаса Халкедонскаго ²⁾, Аристотеля, даже Исократы, насколько

¹⁾ περί ἐπιλογουμένων ἀνοίας οὐδὲν ἄν καινόν λέγοιτο, Фукид. VI, 79.

²⁾ Онъ хочетъ ввести равенство земельныхъ надѣловъ и сдѣлать всѣхъ ремесленниковъ государственными рабами

это было возможно въ Аѳинахъ для государственнаго дѣятеля, преслѣдовавшаго практическія цѣли.

Эта-то реакціонная теорія приняла и точно формулировала вышеизложенный взглядъ, по которому полный гражданинъ долженъ быть матеріально независимъ, физическій трудъ безчеститъ человѣка, денежные дѣла и проценты предосудительны и непристойны,—взглядъ, который мы впослѣдствіи находимъ снова у римской аристократіи ¹⁾. Господствующее мнѣніе считаетъ этотъ взглядъ характернымъ для древности

(Арист. Pol. II 4). Не такъ далеко шель Гипподамъ Милетскій (Арист. Pol. II 5), жившій въ болѣе древнюю эпоху; онъ самъ себѣ не могъ хорошенько уяснить положеніе ремесленниковъ, образующихъ въ его идеальномъ государствѣ послѣднюю треть населенія послѣ воиновъ и крестьянъ. Сюда относятся множество почти или вовсе неизвѣстныхъ теоретиковъ, видѣвшихъ, какъ Эпиронъ, идеалъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ, затѣмъ историки, какъ Филлестъ, Эфоръ, Теопомпъ и еще до нихъ Фукидидъ; всѣ они—противники аттической демократіи.

¹⁾ Вотъ почему политическая экономія, т. е. изслѣдованіе явленій хозяйственной и финансовой жизни, и осталась чужда античной наукѣ. Основные вопросы кратко обсуждаются Аристотелемъ въ первой книгѣ «Политики», но послѣ краткаго перечисленія и классификаціи главныхъ отраслей труда (χρηματικῆ) онъ говоритъ: «Входитъ въ подробности, пожалуй, полезно для производства, но именно (φορτικόν) останавливаться на этомъ» (I, 4. 3). Тѣмъ не менѣе специальная литература о различныхъ отрасляхъ труда все-таки развилась, и даже въ очень значительныхъ размѣрахъ; уже Аристотель приводитъ кое-какіе отрывки изъ нея. Но эта литература служитъ только практическимъ цѣлямъ; до теоретической обработки предмета еще не дошли. Въ этомъ отношеніи замѣчательна приписываемая Аристотелю вторая книга «Экономіки», написанная въ началѣ третьяго столѣтія въ царствѣ Селевкидовъ подъ влі-

въ противоположность къ понятіямъ современнаго намъ общества; оно видитъ въ немъ результатъ вліянія рабства, привычки сваливать физическій трудъ на презрѣнныхъ рабовъ. На мой взглядъ, это—совершенно ложный предрасудокъ. Современное общество смотритъ на физическій трудъ точно такъ-же, какъ античное. Юридическое различіе здѣсь, какъ и тамъ, устранено демократіей, но социальная пропасть между землевладѣльцами и людьми, избирающими высшія, такъ называемыя свободныя профессіи, съ одной стороны, и представителями низшихъ профессій—ремесленниками и рабочими—съ другой, такъ-же велика, какъ въ древности; современному ученому кажется въ обществѣ столь-же неестественнымъ и унижительнымъ, чтобы его сынъ сдѣлался ремесленникомъ, какъ и древнему; купецъ въ нашихъ демократическихъ торговыхъ городахъ смотритъ съ такимъ-же пренебреженіемъ

ученіемъ перипатетиковъ; въ ней собраны историческіе примѣры практическихъ, хотя подчасъ и очень сомнительныхъ, финансовыхъ уловокъ. Ей предпослано краткое, но въ историческомъ отношеніи весьма цѣнное обзорѣніе четырехъ родовъ экономики: царя (т. е. государства), сатрапа, города и частнаго человѣка. Для cadaго рода перечисляются отдѣльныя его вѣтви; такъ, для царя—монетная политика, ввозъ и вывозъ, роспись расходовъ; для сатрапа—десятина, дань провинціи, портовые и рыночныя пошлины, налогъ на скотъ, поголовная подать, ремесленная подать; но въ подробности авторъ не входитъ, и изслѣдованіе кончается тамъ, гдѣ ему собственно слѣдовало бы начаться. Напротивъ, государственные дѣятели, какъ и историкъ, вышедшіе изъ практической жизни, обнаруживаютъ близкое знакомство съ экономическими явленіями и высказываютъ въ этой области совершенно правильныя сужденія, напр. Полибій во многихъ мѣстахъ своего сочиненія.

емъ на мелкаго торговца и лавочника, какъ въ Афинахъ ἔμπορος на κτήλος¹⁾; а насколько глубоко въ народномъ сознаніи коренится презрѣніе къ денежнымъ дѣламъ, это мы ясно видимъ именно теперь по постоянному росту антисемитическаго движенія. Но современное общество въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ такое-же лицемѣріе и внутреннюю лживость, какъ напр. въ области половыхъ отношеній. Въ то время, какъ древніе высказывали свои взгляды съ полной откровенностью, мы не рѣшаемся открыто признавать себя сторонниками этихъ взглядовъ, и такимъ образомъ здѣсь возникаетъ такое-же противорѣчіе между теоріей и практикой, какое мы видимъ, на примѣръ, въ области морали,

Впрочемъ, именно теорія философовъ показываетъ, какъ сильно расходилась съ нею практика: вѣдь ея цѣль—именно преобразовать послѣднюю. Самъ Аристотель категорически утверждаетъ, что ремесленники, живущіе трудомъ своихъ рукъ и не имѣющіе земельной собственности, составляютъ необходимую часть городского населенія (Пол., II, 4, 13, 5, 6); напротивъ, онъ—настолько горожанинъ, что въ его теоріи крестьянамъ удѣляется такъ-же мало вниманія, какъ и военнымъ задачамъ государства²⁾; но вопросъ о томъ,

¹⁾ Эта противоположность рѣзко выступаетъ, напр., въ рѣчи Лисія противъ хлѣбныхъ торговцевъ (22, 17, 21). Еще гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ, обнаруживается она въ Англіи; въ этомъ отношеніи особенно характерно дарованіе титула эсквайра.

²⁾ Ср. Wilamowitz, Aristoteles und Athen I 357 прим. 52 и passim; вся глава о цѣли и значеніи книги Аристотеля (стр. 308—373) есть, кажется, лучшее, что написано о жизни и политическихъ сочиненіяхъ Аристотеля.

какъ слѣдуетъ относиться къ βάναισι, могутъ ли они быть гражданами и доступна-ли имъ какая-нибудь ἀρετή—причиняетъ ему много безпокойства (I, 5, 10. III, 2, 8, 3, I сл.). Само собою разумѣется, что они должны быть исключены изъ числа гражданъ идеальнаго государства. Демократическому государству конечно чуждо презрѣніе къ ремеслу: «Не бѣдность считается у насъ позорной, а неумѣніе выбиться изъ бѣдности трудомъ», говорится въ надгробной рѣчи Перикла ¹⁾. Государство преслѣдуетъ бездѣлье и наказываетъ каждаго, кто не можетъ указать источника своихъ доходовъ (νόμος ἀργίας). Только дѣти павшихъ на войнѣ воспитываются на счетъ государства, да инвалиды и калѣки (ἀδύνατοι) получаютъ отъ совѣта пособіе въ размѣрѣ 1 обола въ день (слѣдовательно 60 драхмъ—около 24 руб.—въ годъ) ²⁾. По законамъ Солона сынъ, котораго отецъ не научилъ какому-нибудь ремеслу, не обязанъ содержать отца въ старости (Плут. Сол. 22). Далѣе, аѣиняне, чтобы

¹⁾ Фукид. II 40. «Въ олигаріяхъ оетъ (неимущій рабочій въ городѣ и въ деревнѣ) не можетъ быть гражданиномъ; ремесленникъ же можетъ, ибо многіе изъ нихъ становятся богатыми». Арист. Пол. III 3, 4.

²⁾ Во времена Аристотеля (Ав. Пол. 49, 4) эта пенсія была удвоена; необходимымъ условіемъ для ея полученія было, чтобы инвалидъ имѣлъ состояніе меньше, чѣмъ въ 3 мины (около 120 руб.). Тотъ калѣка, въ защиту котораго Лисій произнесъ свою рѣчь, занимается ремесломъ (τέχνη), дающимъ ему, очевидно, порядочный доходъ, хотя онъ, конечно, не можетъ держать раба (24, 6); онъ въ состояніи даже, когда нужно, нанимать верховую лошадь. Изъ этого ясно, что онъ въ сущности получаетъ пенсію незаконно; Лисій спасъ ему пенсію тѣмъ, что очень ловко обратилъ все дѣло въ шутку и посредствомъ смѣха склонилъ судей на свою сторону.

по возможности содѣйствовать развитію промышленности, поставили пришлыхъ иностранцевъ (метэковъ), бѣльшая часть которыхъ состояла, конечно, изъ ремесленниковъ и рабочихъ, въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ какой-либо иной городъ Греціи. Само собою разумѣется, что въ Аѣинахъ было много рабовъ. Въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и въ рудникахъ работаютъ большей частью рабы; болѣе или менѣе состоятельный ремесленникъ имѣетъ нѣсколько несвободныхъ рабочихъ; нерѣдко также случается, что капиталистъ передаетъ своему рабу лавку на рынкѣ или какое-нибудь другое дѣло, гдѣ рабъ и торгуетъ или работаетъ въ пользу своего хозяина ¹⁾. Но на ряду съ рабами мы видимъ огромную массу свободныхъ ремесленниковъ и торговцевъ—сапожниковъ, портныхъ, цирюльниковъ, продавцевъ мазей и т. д. до летающаго колбасника во «Всадникахъ» Аристофана,—свободныхъ работниковъ, нанимающихся ²⁾ въ крупныя предпріятія, носильщиковъ, каменщиковъ и т. д. Одной изъ главныхъ цѣлей строительной дѣятельности Перикла было дать работу массѣ бѣднѣйшаго населенія и такимъ образомъ прокормить ее на

¹⁾ Такъ, напр., въ рѣчи Гиперида противъ Аѣногена. Ср. разсужденія автора трактата „объ аѣнскомъ государствѣ“ I, 11 слл.

²⁾ Такъ, Лисій произнесъ свою 23-ю рѣчь противъ какого-то свободнаго рабочаго изъ валяльнаго заведенія, который выдавалъ себя за платейца, тогда какъ обвинитель называлъ его бѣглымъ рабомъ. Напомню также, что Плавтъ нанялся на мельницу. Такіе случаи упоминаются въ литературѣ, конечно, сравнительно рѣдко (однако ихъ нашлось бы достаточно, если бы кто-нибудь задался цѣлью собрать ихъ)—хотя вездѣ тысячи людей такимъ образомъ добывали себѣ средства къ жизни.

счетъ государства. «Заняты были плотники, ваятели, литейщики, каменотесы, маляры, золотыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики по слоновой кости, художники, золотошвеи, токари, далѣе—всѣ принимавшіе участіе въ доставкѣ матеріала, на морѣ купцы, капитаны кораблей и матросы, на сушѣ телѣжники, извозчики, кучера, канатные мастера и ткачи, кожевники, шоссейные рабочие, рудокопы. Каждая отрасль требовала работы бѣднѣйшаго населенія, и такимъ образомъ всѣ возрасты и сословія получали свою долю въ общемъ благосостояніи» ¹⁾. Точно такъ-же экипажъ какъ торговаго, такъ и военнаго флота состоитъ исключительно изъ свободныхъ людей, частью набранныхъ за границей. Когда пелопоннесцы, получивъ деньги отъ Кира, стали платить гребцамъ больше, чѣмъ аѣиняне ²⁾, то они погубили этимъ аттическій флотъ. Всѣ эти люди, добывающіе себѣ хлѣбъ въ потѣ лица, конечно не имѣютъ рабовъ, какъ и тѣ многочисленные граждане, которые, подобно Сократу, съ нуждой пополамъ сохраняютъ свою независимость. Сократъ имѣетъ домъ

¹⁾ Плут. Пер. 12. Это подтверждаютъ уцѣлѣвшіе отрывки счетовъ по постройкѣ Эрехтейона (Corp. inscr. Att. I 321, 324) въ концѣ Пелопоннесской войны. Ремесленники, подмастерья и носильщики—частью граждане, частью метэки, но почти безъ исключенія свободные люди. Только нѣсколько каменщиковъ работаютъ вмѣстѣ съ своими рабами (или дѣтьми?), получающими такую-же плату, какъ и сами мастера. Поденная плата составляетъ большей частью 1 драхму (около 40 коп.); художники и скульпторы получаютъ, конечно, гораздо больше. Относительно положенія метэковъ мы пользовались документами, напечатанными Виламовичемъ въ *Hermes* 22, 107 сл.]

²⁾ До тѣхъ поръ—3 обола (около 20 коп.) въ день, теперь 4 обола, Ксеноф. *Hell.* I 5, 7.

и небольшое состояніе ¹⁾, котораго хватаетъ для него и его семьи при крайне-скромныхъ требованіяхъ; но мы нигдѣ не найдемъ указанія на то, чтобы онъ держалъ раба ²⁾.

Теперь ясно, насколько преувеличено общераспространенное представленіе о толпахъ рабовъ и благоденствіи гражданъ античныхъ государствъ. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городахъ, владѣвшихъ небольшою областью, какъ Эгина и Коринѣ, число рабовъ превышало число свободныхъ жителей, но въ остальныхъ ихъ было, безъ сомнѣнія, гораздо меньше. Населеніе Аттики въ началѣ Пелопоннесской войны Белохъ опредѣляетъ въ 135,000 свободныхъ (въ томъ числѣ 35,000 взрослыхъ гражданъ мужского пола и 10,000 метэковъ старше 17 лѣтъ) и 100,000 рабовъ ³⁾.

¹⁾ У Ксен. (Оесоп. 2, 3) его имущество, въ томъ числѣ и домъ, оцѣнивается въ 5 минъ (около 200 руб.) и это, должно быть, вѣрно. Что перипатетики называютъ его болѣе богатымъ (Аристоксенъ fr. 26; по Димитрію Фалерскому онъ отдалъ въ ростъ 70 минъ, Плут. Арист. 1), это понятно при тенденціи этой школы, но они несомнѣнно преувеличиваютъ. Состояніе, оцѣненное вмѣстѣ съ домомъ въ 250 драхмъ,— у Лисія 3, 24.

²⁾ Въ противоположность суетливости и вредному вліянію рабочаго населенія (слово *τευχται* въ самомъ широкомъ смыслѣ обнимаетъ какъ ремесленниковъ, такъ и земледѣльческое населеніе) въ это время любятъ указывать на прочный жизненный строй Египта, гдѣ занятія наследственны и только жрецы и воины имѣютъ голосъ въ политическихъ дѣлахъ. Таково, напр., характерное именно по своей банальности разсужденіе Діодора (I, 74), заимствованное имъ у жившаго около 300 г. до Р. X. писателя Гекатея изъ Абдеры.

³⁾ Впослѣдствіи число гражданъ уменьшилось; слѣды Пелопоннесской войны и чумы никогда уже не могли изгладиться. По переписи Димитрія Фалерскаго (317—307 до

Въ отдаленныя области и въ земледѣліе рабство проникаетъ очень медленно. Когда въ 360 г. до Р. Х. богатый фокеецъ Мназонъ купилъ 1000 рабовъ, то его соотечественники жаловались, что этимъ онъ отнимаетъ средства къ существованію у такого-же числа гражданъ ¹⁾. Рабство никогда не достигало исключительнаго господства въ сельскомъ хозяйствѣ, — даже въ большихъ помѣстьяхъ Италіи и Сиціліи, и даже въ скотоводствѣ; забѣгая впередъ, напомнимъ, что еще Цезарь счелъ возможнымъ приказать, чтобы въ помѣстьяхъ съ пастбищнымъ хозяйствомъ третья часть пастуховъ состояла изъ свободныхъ взрослыхъ людей ²⁾. Если практическое выполненіе этого указа и встрѣтило различныя затрудненія и онъ, вѣроятно, не разъ нарушался, то самый фактъ изданія его такимъ человѣкомъ, какъ Цезарь, указываетъ по крайней мѣрѣ на возможность принудительнаго исполненія его.

Здѣсь не мѣсто изображать ни положеніе торгов-

Р. Х.) взрослыхъ гражданъ было 21000 (между ними 9000 съ состояніемъ свыше 2000 драхмъ) и метѣковъ 10000 (Athen. VI 272). Что приводимое тамъ-же число рабовъ (40000) такъ же невѣрно, какъ и приведенныя для Эгины и Коринѳа—470,000 и 460,000 (Athen. VI 272 b. d.), это со времени Юма и Нибура признаютъ всѣ безпристрастные изслѣдователи. Относительно этого, какъ и другихъ относящихся сюда вопросовъ, укажемъ здѣсь разъ навсегда на капитальный трудъ Белоха Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt (Histor. Beiträge zur Bevölkerungslehre I) 1886, окончательно устраняющій изъ области науки общепринятыя взгляды на рабство и количество рабовъ въ древности. На его изслѣдованіяхъ основана и моя статья Bevölkerung des Altertums въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

¹⁾ Tim. у Athen. VI 264 d.

²⁾ Sueton. Caes. 42.

ли въ эпоху расцвѣта Аѳинъ, ни распределеніе богатства ¹⁾, государственные финансы и государственное хозяйство ²⁾. Укажемъ лишь на то, что Аѳины

¹⁾ При введеніи финансовой реформы 378/7 гг. (во время архонтства Навзинника) была произведена въ первый разъ общая оцѣнка всего движимаго и недвижимаго имущества съ цѣлью урегулированія военной подати (*eisphora*); по Полибію II 62, 7 все описанное имущество было оцѣнено въ 5750 талантовъ (около 13 милліоновъ рублей). Эти данныя надо понимать буквально, вопреки толкованію Бѣка, будто только часть всей объявленной массы имущества подверглась оцѣнкѣ; см. Белохъ Das Volksvermögen von Attika въ Hermes XX и XXII. Конечно, объявленная сумма была, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, значительно ниже дѣйствительной, — по крайней мѣрѣ настолько-же, насколько неточна была оцѣнка народнаго имущества, произведенная въ Пруссіи передъ введеніемъ послѣдней податной реформы. — Въ указанномъ мѣстѣ Полибій полемизируетъ противъ историка риторической школы Филарха, по словамъ котораго Клеоменъ въ 223 г. до Р. Х. увезъ изъ Мегалополя добычу въ 6000 талантовъ; такой суммы не составляло движимое имущество (безъ рабовъ) всего Пелопоннеса, даже въ цвѣтущій періодъ греческой исторіи. По мнѣнію Полибія, добыча Клеомена не могла составлять и 300 талантовъ. Онъ говоритъ, что «для историка важнѣе всего знать военныя и финансовыя силы государства», и съ этой точки зрѣнія подвергаетъ своихъ предшественниковъ такой рѣзкой критикѣ, на какую новѣйшіе изслѣдователи едва-ли рѣшились бы, если-бы не имѣли передъ глазами его примѣра.

²⁾ Подробно изложено экономическое развитіе Греціи Белохомъ въ его «Исторіи Греціи». Классическое сочиненіе Бѣка Staatshaushaltung der Athener, какъ ни было оно оригинально въ свое время и какъ ни важно еще теперь, во многихъ частностяхъ естественно устарѣло, какъ благодаря болѣе правильному толкованію старыхъ данныхъ, такъ и благодаря колоссальному увеличенію матеріала. Нѣкоторымъ ученымъ, какъ напримѣръ, Eheberg'у, повидимому

особенно славились какъ центръ, куда стекались произведенія всего міра, преимущественно-же самыя лакомыя яства ¹⁾. «Все, что есть изысканнаго въ Сициліи, Нижней Италіи, Кипрѣ, Египтѣ, Лидіи, у Понта, въ Пелопоннесѣ или гдѣ бы то ни было,—все стекается въ Аѣины благодаря ихъ морскому могуществу». «Благодаря владычеству на морѣ я могу добыть всѣ продукты земли, не занимаясь самъ земледѣліемъ, тогда какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаются сразу два изъ нихъ, какъ напр. дерево и ленъ; ибо гдѣ растеть много льна, тамъ земля ровна и лишена деревьевъ; точно такъ-же одна и та-же страна не даетъ мѣди и желѣза или какихъ-нибудь другихъ двухъ или трехъ различныхъ предметовъ; но одно можно найти здѣсь, другое тамъ» ²⁾. Далѣе, аѣиняне пользуются своимъ морскимъ могуществомъ для того, чтобы сдѣлать Аѣины центромъ торговли, и заставляютъ слабѣйшія государства вывозить сюда свои продукты. Особенно важна, конечно, хлѣбная торговля, которую Аѣины стараются по возможности сосредоточить въ Пиреѣ. Въ пятомъ и четвертомъ вѣкѣ онѣ такъ-же нуждались въ чужомъ хлѣбѣ, какъ теперь Англія; поэтому и владычество надъ геллеспонт-

совершенно неизвѣстно, что у насъ есть множество документальныхъ данныхъ, благодаря которымъ мы имѣемъ возможность детально ознакомиться съ государственнымъ хозяйствомъ Атики въ пятомъ вѣкѣ (ст. Finanzen въ Handwörterb. der Staatsw. III стр. 439); только такимъ образомъ можно понять его показанія относительно Аѣинъ. Такъ же негодны и безсвязны его показанія о Римѣ. Всюду въ этой статьѣ мы находимъ худшія изъ нелѣпостей, порожденныхъ теоріей Родбертуса.

¹⁾ Гермиппъ у Athen. I 27 е. 'Αθ. Πολ. 2, 6 слл.

²⁾ Ibid. 2. 11 слл.

скимъ торговымъ путемъ было для нихъ вопросомъ жизни. Во времена Демосѣена ввозъ хлѣба въ Пирей составлялъ приблизительно 800.000 четвериковъ (400.000 гектолитровъ) ежегодно; изъ нихъ около половины доставлялось изъ Понта ¹⁾. Хлѣбная торговля находилась подъ строгимъ контролемъ государства. Только треть ввозимаго хлѣба могла быть отправлена дальше, двѣ трети должны были доставляться въ городъ ²⁾. Стремясь установить низкія цѣны, что лежало на обязанности «хлѣбныхъ смотрителей», государство безпрестанно воевало съ хлѣбными торговцами (это были, кажется, почти исключительно метэки), которые скупали ввозимый хлѣбъ,—хотя подъ страхомъ смертной казни было запрещено одному человѣку покупать больше 50 ластовъ,—и пользовались всѣми биржевыми слухами, всякимъ политическимъ и экономическимъ затрудненіемъ, чтобы поднять цѣны.

Такія-же условія, какъ въ Аѣинахъ, господствовали въ Сиракузахъ, ³⁾ самомъ большемъ послѣ Аѣинъ

¹⁾ Демосе. 20, 31 сл. Бѣкъ ошибочно призналъ и это число слишкомъ низкимъ благодаря тому, что сильно преувеличилъ количество населенія и число рабовъ въ Атикѣ.—Эквивалентомъ хлѣбной торговли Понта служатъ масло, вазы, украшенія изъ золота и слоновой кости, вывозимыя изъ Аѣинъ и въ поразительномъ изобиліи найденныя въ могилахъ Крыма и южной Россіи.

²⁾ Арист. 'Αθ. Πολ. 51, 4 и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того ср. рѣчь Лисія противъ хлѣбныхъ торговцевъ.

³⁾ Аристотель рассказываетъ (Pol. I 4, 7) объ одномъ сицилійскомъ банкирѣ временъ Діонисія Старшаго, который скупилъ все желѣзо и при продажѣ получилъ на каждые 50 талантовъ по 100 талантовъ барыша, т. е. 200% чистой прибыли. Діонисій оставилъ ему его прибыль, но изгналъ изъ Сиракузъ. Подобныя попытки захватить въ свои руки

торговомъ городѣ греческаго міра. Съ ними соперничалъ Кареагенъ, богатый торгово-промышленный городъ вродѣ Коринѳа и Эгины, только въ гораздо ббльшихъ размѣрахъ, могучая держава, которая господствовала надъ западной половиною Средиземнаго моря и, какъ извѣстно, преграждала доступъ въ свои владѣнія по возможности всѣмъ чужестранцамъ и такъ-же всецѣло сосредоточила въ столицѣ торговлю всѣхъ подвластныхъ ей городовъ, какъ на примѣръ Венеція или колоніальныя государства Европы въ позднѣйшее время. Кареагенъ покорилъ и обложилъ данью и военной повинностью африканскія племена, сардовъ, въ послѣдствіи и населеніе южной Испаніи; богатые купцы владѣютъ обширными подгородными имѣніями и громадными помѣстьями, которыя обрабатываютъ рабы и крѣпостные; но для государства и его политики это имѣетъ сравнительно небольшое значеніе: оно такъ-же исключительно, если не больше, поглощено интересами торговли и промышленности, какъ англійская политика восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ. Поэтому здѣсь вырабатывается въ типической формѣ и непоколебимо держится въ теченіе столѣтій господство купеческой аристократіи; масса городского населенія юридически, а еще больше фактически вполнѣ зависима отъ нея; единственной силою, опасной для господствующаго класса и дѣйствительно погубившей его, является войско подъ начальствомъ энергичнаго и побѣдоноснаго полководца. Едва вѣришь своимъ глазамъ, когда ви-

монополью не разъ дѣлали и частныя лица, и правительства. Замѣчу еще, что товарищескія предпріятія и торговые общества были обычнымъ явленіемъ какъ въ греческомъ мірѣ, такъ въ послѣдствіи и въ римскомъ; ср. напр. Арист. Пол. II 2, 9.

дишь, что и этому государству навязываютъ хозяйство *οἶκος*; а; съ чего же жило многочисленное населеніе столицы, которое такъ мужественно, до послѣдней капли крови, защищало свое отечество въ послѣдней войнѣ противъ Рима?

Обратимся къ эллинистической эпохѣ. Вѣсь Востокъ становится доступнымъ для иностранцевъ, и такимъ образомъ открывается безпредѣльная область, куда можетъ отливаться излишекъ населенія Греціи, который до этого времени, благодаря невыносимымъ политическимъ условіямъ греческаго міра, частью погибалъ въ непрерывныхъ войнахъ, частью все болѣе и болѣе увеличивалъ число бродягъ на дорогахъ и пиратовъ на морѣ ¹⁾. Благодаря притоку греческихъ воиновъ и купцовъ въ Азію, благодаря непрерывному основанію городовъ, которые здѣсь, какъ и повсюду въ древности, являются главными хранителями и распространителями цивилизаціи, Востокъ усвоиваетъ греческую культуру, и послѣдняя становится всемірной ²⁾. Результатомъ этого процесса является

¹⁾ Объ этомъ часто говоритъ Исократъ; онъ же совѣтуетъ уже Филиппу—послѣ покоренія Малой Азіи основать въ завоеванной странѣ города и поселить въ нихъ всѣхъ тѣхъ, которые теперь вълѣдствіе нужды побираются и грабятъ каждаго встрѣчнаго (Исократ. 5, 120).

²⁾ Я не могу здѣсь останавливаться на политическихъ условіяхъ, на положеніи городовъ въ новыхъ большихъ государствахъ. Замѣчу только, что и здѣсь ярко выступаетъ нецѣлительность обычныхъ взглядовъ, рисующихъ себѣ картину древняго быта по Аристотелю. Взоръ Аристотеля всегда обращенъ назадъ, а не впередъ. Онъ ищетъ политической идеалъ въ замкнутомъ городскомъ государствѣ въ такое время, когда оно оказалось уже совершенно несостоятельнымъ; онъ совершенно не понимаетъ новаго времени, наступившаго съ Александромъ; онъ смотритъ на противоположность меж-

небывалый расцвѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное перемѣщеніе торговыхъ силъ. Рядомъ съ новымъ міровымъ городомъ на египетскомъ берегу, на первый планъ выступаетъ прежде всего Малая Азія ¹⁾. Прав-

ду эллиномъ и варваромъ, какъ на нѣчто естественно-необходимое и тождественное съ различіемъ между свободнымъ и рабомъ, тогда какъ эта противоположность была навсегда уничтожена именно его ученикомъ. Миѣніе, будто древніе греки и римляне съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣ другіе народы, и будто въ этомъ заключается характерная разница между античнымъ и современнымъ міровоззрѣніемъ, ни на чемъ не основано. Пока національное чувство здорово, каждый народъ считаетъ себя лучше сосѣдей; несмотря на это греки и римляне умѣли объективно и правильно оцѣнивать другія націи и, можетъ быть, скорѣе преувеличивали, чѣмъ умаляли ихъ достоинства. Презрѣніе къ варварамъ развилось изъ контраста съ персидскимъ царствомъ во второй половинѣ пятаго вѣка, когда эллинская культура далеко опередила азіатскую; это чувство еще усилилось благодаря несчастнымъ политическимъ событіямъ четвертаго столѣтія; со времени Александра оно исчезло, и современное міросозерцаніе больше его не знаетъ. Космополитизмъ стойковъ всѣмъ извѣстенъ; однако и Эратосѣенъ, напр., не имѣющій ничего общаго съ стоической школой и, наоборотъ, примыкающій къ академикамъ (Strab. I 2, 2), ставитъ въ упрекъ Аристотелю, что онъ совѣтовалъ Александру обращаться съ эллинами, какъ съ друзьями, а съ варварами, какъ съ врагами, и хвалитъ царя за то, что онъ не послѣдовалъ этому совѣту; людей надо различать по ихъ добродѣтелямъ и порокамъ. Страбонъ, передающій это извѣстіе, уже такъ мало понимаетъ въ чемъ дѣло, что думаетъ, будто Аристотель имѣлъ въ виду именно это различіе (I 4,9). — Въ христіанскомъ міровоззрѣніи, не придающемъ никакого значенія политическимъ и національнымъ различіямъ и цѣнящемъ лишь человѣческую личность, нѣтъ ничего новаго, созданнаго самимъ христіанствомъ; оно только усвоило общераспространенные взгляды.

¹⁾ Это движеніе начинается уже около середины IV столѣтія.

да, небольшіе провинціальныя города вездѣ приходятъ въ упадокъ: среди огромнаго мірового движенія они не въ состояніи сохранить свою старую замкнутость и экономическую самостоятельность, ту *αὐτάρκεια*, которую Аристотель признаетъ цѣлью государства. Ихъ мѣсто занимаетъ большой городъ, истинный представитель современной культуры, возникающій либо изъ старыхъ общинъ (какъ на примѣръ, Эфесъ, Смирна, Апамея Киботъ), либо по волѣ властителей. Это явленіе при одинаковыхъ условіяхъ повторяется всюду. Какъ городъ пожираетъ деревню, такъ большой городъ пожираетъ маленькій. Разумѣется, новый городъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ экономическомъ отношеніи нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ географически тождественный съ нимъ земледѣльческой городъ средневѣковой эпохи. Новые города основываются по опредѣленному плану, снабжаются всѣмъ новѣйшимъ комфортомъ, и со своимъ густымъ населеніемъ, состоящимъ изъ купцовъ и торговцевъ, образуютъ центръ для обширнаго округа; впрочемъ, въ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ, какъ на западѣ Малой Азіи и на сѣверѣ Сиріи, большіе и средніе города часто лежатъ поразительно близко другъ отъ друга. Окрестная область постепенно переходитъ въ собственность городовъ и, освобождаясь, такимъ образомъ, отъ непосредственной власти правителя, подчиняется городскому самоуправленію, такъ что сельскіе округа начинаютъ превращаться въ городскіе участки,—процессъ, который былъ доведенъ до конца Римомъ.

Одновременно съ расцвѣтомъ Востока мы наблюдаемъ упадокъ собственной Греціи. Ему значительно способствуетъ непрерывный отливъ населенія на Во-

стокъ и политическія неурядицы, ни на минуту не дающія странѣ покоя. Но главная причина лежитъ въ перемѣщеніи мірового центра: Греція уже не составляетъ средоточія ни въ политическомъ, ни въ торговомъ отношеніи. Аѳины лежатъ теперь въ сторонѣ отъ большого торговаго пути; ихъ значеніе заключается отнынѣ въ томъ, что онѣ являются духовной метрополіей міра и средоточіемъ самыхъ тонкихъ и изысканныхъ наслажденій ¹⁾. Только Коринѳъ сохранилъ и еще возвысилъ свое значеніе благодаря своей роли главнаго транзитнаго порта, посредника между Востокомъ и Западомъ ²⁾. Отдѣльные города, какъ важная крѣпость Халкида, новая ѳессалійская столица Деметриада, новая гавань Македоніи ѳессалоника, прославившаяся своимъ глинянымъ производствомъ Танагра, занимаютъ еще видное положеніе; но большая часть городовъ постепенно приходитъ въ упадокъ; въ ихъ стѣнахъ растетъ трава и пасется скотъ ³⁾, маленькіе города обращаются фактически въ деревни, населеніе все уменьшается, общественные финансы находятся въ плачевномъ состояніи, и только ссуды и пожертво-

¹⁾ «Насколько остальные города превосходятъ деревню обиліемъ чувственныхъ и духовныхъ наслажденій, настолько Аѳины превосходятъ всѣ другіе города», говоритъ Гераклидъ (Desc. Græc. 1,5 — такъ наз. «Псевдодикеархъ»), въ превосходномъ описаніи Греціи III вѣка, которое мы горячо рекомендуемъ всѣмъ интересующимся дѣйствительной жизнью этого времени.

²⁾ Послѣ разрушенія Коринѳа такую-же роль игралъ съ 146 по 88 г. вольный портъ (порто-франко), основанный римлянами на Делосѣ.

³⁾ ἑρημία μεγάλη ἢ μεγάλη πόλις, говорится объ основанномъ въ 369 г. аркадскомъ городѣ Мегалополѣ, на который возлагалось много несбывшихся надеждъ. Ср. приложение II.

ванія богатыхъ гражданъ даютъ возможность на время пополнять пустыя кассы. Это тотъ-же процессъ, какой наступилъ-бы въ Англии, если-бы она сразу потеряла свою руководящую роль въ міровой торговлѣ и промышленности и очутилась въ положеніи второй-степенной транзитной страны.

Послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ не было, конечно, возвращеніе къ старымъ простымъ условіямъ. На одной сторонѣ стоитъ пролетаріатъ, который, лишившись теперь всѣхъ средствъ къ существованію, содержится по необходимости на счетъ казны (или на пожертвованія богатыхъ людей) и постоянно угрожаетъ революціями; на другой — крупныя состоянія, благополучно перенесшія всѣ кризисы. Въ этихъ рукахъ все больше и больше сосредоточивается теперь земельная собственность, главнымъ образомъ — путемъ покупокъ у обѣднѣвшихъ и стремящихся въ города собственниковъ. Къ этому присоединяется все возрастающая роскошь со всѣми ея послѣдствіями (въ Оивахъ, на примѣръ, она привела къ безпримѣрному одичанію населенія ¹⁾); слѣдствіемъ этихъ условій яв-

¹⁾ «Жителя Оивъ любятъ великолѣпіе и удивительно умѣютъ приспособляться ко всевозможнымъ житейскимъ положеніямъ; но при этомъ они дерзки, заносчивы и склонны къ насиліямъ, всегда готовы вступить въ драку, будь то съ чужими или со своими-же гражданами; они совершенно презираютъ всякое право... Тяжбы тянутся у нихъ по меньшей мѣрѣ тридцать лѣтъ, потому что если кто-нибудь говоритъ объ этомъ передъ народомъ и затѣмъ не убивается немедленно изъ Беотіи, а остается тамъ хоть самое короткое время, то онъ непременно будетъ ночью убитъ тѣми, кто не хочетъ, чтобы процессъ былъ доведенъ до конца. Убіиства происходятъ здѣсь по всякому поводу. Тѣмъ не менѣе есть нѣсколько порядочныхъ и почтенныхъ людей, съ которыми можно вести дружбу. Женщины-же ихъ

ляется полное заустѣніе страны, непрерывный упадокъ благосостоянія до гораздо болѣе низкой ступени, чѣмъ это обуславливалось міровыми переменами. Поля не воздѣлываются, а свободныя руки все-таки не находятъ возможности добывать средства къ жизни, улучшать свое положеніе и достигать независимаго существованія, потому что горожанинъ не можетъ снова сдѣлаться крестьяниномъ, а сельское населеніе обѣднѣло и переселилось въ городъ ¹⁾. Поэтому безбрачіе и нежеланіе имѣть и воспитывать дѣтей становятся общераспространенными явленіями. «Въ наше время бездѣтность и недостатокъ въ людяхъ сдѣлались въ Греціи повсемѣстными», говоритъ Полибій (37,9), «и благодаря этому города опустѣли и доходы уменьшились, хотя (со времени установленія римскаго владычества въ 190 г. до Р. Х.) не было ни продолжительныхъ войнъ, ни эпидемій». За это нечего обвинять боговъ, такъ какъ вина всецѣло лежитъ на людяхъ, которые «изъ корыстолюбія и легкомыслія больше не женятся и, если женятся, не хотятъ вос-

по росту, походкѣ и движеніямъ—самыя изящныя и стройныя во всей Греціи» (Гераклидъ, I. с. 1,14 слл.). Точно такъ же и Полибій (XX, 6) рассказываетъ о судебной волокитѣ, объ утайкѣ и растратахъ казенныхъ денегъ. «Кромѣ того, бездѣтные люди обыкновенно не оставляютъ своего состоянія ближайшимъ наслѣдникамъ, а назначаютъ его на обѣды и попойки для своихъ друзей; даже многіе люди, имѣющіе дѣтей, оставляютъ большую часть своего состоянія собутельникамъ, такъ что есть много беотянъ, у которыхъ въ теченіи мѣсяца больше обѣдовъ, чѣмъ въ мѣсяцѣ дней».

¹⁾ Это положеніе дѣлъ очень рельефно изображено нѣсколько позже, къ концу перваго вѣка послѣ Р. Х., въ рассказъ Діона Хрисостома объ одномъ еврейскомъ городѣ и двухъ братьяхъ, одиноко живущихъ недалеко отъ него. См. приложеніе II.

питывать дѣтей и обыкновенно воспитываютъ въ изнѣженности лишь одного или двухъ, чтобы они послѣ ихъ смерти были богаты (т. е. наслѣдовали состояніе родителей цѣликомъ)». Какъ и римскіе государственные люди временъ Гракховъ и впослѣдствіи Августъ, Полибій требуетъ вмѣшательства законодательной власти и ищетъ причину зла въ явленіяхъ, представляющихъ лишь рѣзкій симптомъ экономическаго переворота; понятно, что всѣ эти законы и преміи за обиліе дѣтей, установленныя римской имперіей, оказались совершенно безсильными.

Но тотъ, кто хочетъ изучить и оцѣнить по достоинству эллинистическую культуру, долженъ обратиться не къ Греціи, а къ расцвѣтающему и достигающему апогея своего развитія и благосостоянія Востоку. Руководящимъ государствомъ является здѣсь царство Лагидовъ, столица котораго—Александрія. Его могущество основывается на обладаніи и свободномъ распоряженіи всѣми силами новой культуры: торговлей, деньгами, образованіемъ, которыя сосредоточены въ столицѣ. Благодаря этому, государство имѣетъ возможность постоянно содержать большое, хорошо оплачиваемое войско и флотъ, путемъ дальновидной и цѣлесообразной политики тѣснить и доводить до гибели континентальныя государства, убивать ихъ торговлю и захватывать берега и острова одинъ за другимъ ¹⁾. Съ нимъ соперничаютъ Македонія и, особенно, царство Селевкидовъ,—государства, въ которыхъ новая эллинистическая культура развивается особенно живо и разно-

¹⁾ Здѣсь не мѣсто говорить объ упадкѣ государства и обнаружившейся при этомъ внутренней слабости; предумышленная политика смѣняется зазоромъ, какъ только рушится ея опора, царская власть.

сторонне, потому что здѣсь отсутствуетъ тотъ гнетъ концентраціи, который тяготѣетъ надъ царствомъ Лагидовъ; но именно потому эти государства принуждены безпрестанно бороться съ мѣстными, центробѣжными элементами, стремящимися все къ бѣльшей самостоятельности, и не могутъ упрочить свое положеніе. На ряду съ этими крупными державами возникаютъ все въ большемъ числѣ второстепенныя государства, отвоёвывающія себѣ независимость въ своихъ владѣніяхъ, подчасъ сопротивляющіяся верховной власти Лагидовъ, но пользующіяся ею для защиты противъ континентальныхъ державъ. Изъ нихъ для насъ особенно важны греческія торговыя государства вдоль мало-азіатскаго побережья, и прежде всего Родосъ. Въ Родосѣ мы находимъ такое-же солидное и прочное торговое государство, какъ раньше въ Коринѣѣ, только въ бѣльшихъ размѣрахъ,—прочное устройство, обезпечивающее въ демократическихъ формахъ господство купеческаго населенія, превосходные законы, энергическую торговую политику. Когда византійцы начали взыскивать плату за проходъ черезъ Босфоръ, родосцы объявили имъ войну (въ 220 г.) и въ союзѣ съ виоинскимъ царемъ принудили ихъ отмѣнить пошлину. Всюду Родосъ вступаетъ за независимость греческихъ городовъ и беспощадно истребляетъ критскихъ и иныхъ пиратовъ. Щедрія пожертвованія, которыя стеклись въ Родосъ изъ всѣхъ государствъ въ 227 году, когда городъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ (Polyb. V, 88 слл.), указываютъ, по справедливому замѣчанію Дройзена, на огромное значеніе этого торговаго пункта и на солидарность коммерческихъ интересовъ, не признающую никакихъ политическихъ преградъ и враждебныхъ отношеній.

Мы не можемъ дольше останавливаться на этой эпохѣ ¹⁾. Я хотѣлъ-бы указать еще лишь на то, что, вопреки обычнымъ представленіямъ, очень распространеннымъ и въ ученыхъ кругахъ, культуру этого времени слѣдуетъ представлять себѣ вполне современной во всѣхъ отношеніяхъ ²⁾. Только для сравненія надо брать не девятнадцатое столѣтіе, а семнадцатое и восемнадцатое, когда морскія сношенія тоже часто затруднялись, а нерѣдко и совсѣмъ прекращались вслѣдствіе непогоды, а сухопутныя были часто крайне неудобны, отнимали слишкомъ много времени и въ гораздо бѣльшей степени затруднялись дорожными пошлинами, налогами и паспортной системой, чѣмъ въ древности, гдѣ рядомъ съ высокой и утонченной культурой мы видимъ дурныя и жалкія правительства и

¹⁾ Извѣстно, какое живое представленіе даютъ намъ теперь папирусы изъ Файюма и папирусы и глиняныя таблички изъ остальнаго Египта относительно быта страны, и, прежде всего, относительно жизни эллинизированнаго города внутри Египта временъ Птолемеевъ и римскаго владычества, — относительно мѣстнаго управленія, областныхъ финансовъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей (о податныхъ спискахъ и о народныхъ переписяхъ, производившихся въ римскій періодъ каждые 14 лѣтъ главнымъ образомъ съ цѣлью урегулированія поголовной подати,—отъ нихъ сохранилось много счетныхъ листовъ—см. Wilcken *Apographai Hermis* 28,230 слл.). Я хотѣлъ-бы еще только указать здѣсь на то, что эти памятники, равно какъ и рассказы, напр. Новаго Завѣта, свидѣтельствуютъ о сравнительно ничтожной роли рабства на Востокѣ. Оно едва-ли было болѣе распространено, чѣмъ на магометанскомъ Востокѣ до перенесенія туда съ Запада освободительныхъ идей.

²⁾ Даже и въ области науки; мнѣніе, будто древніе ученые работали иначе, чѣмъ современные, есть басня, приносящая очень много вреда.

крайне жестокия войны, но гдѣ тѣмъ не менѣе существовали чрезвычайно-дѣятельныя международныя сношенія и «народное хозяйство» въ бюхеровскомъ смыслѣ.

Мы обращаемся теперь къ Риму, притомъ прямо къ римской имперіи. Страшный кризисъ ¹⁾, въ которомъ погибла римская республика, обратное дѣйствіе на Италію всемірнаго владычества и вызванныхъ имъ непрерывныхъ войнъ, которыя требовали содержанія постоянныхъ войскъ, вторженіе рабства въ сельское хозяйство и развитіе скотоводства, разореніе италійскихъ крестьянъ и вызванная имъ гибель республиканскаго военнаго строя, все усиливающійся наплывъ сельскаго населенія въ большіе города, образованіе огромныхъ капиталовъ и крупнаго землевладѣнія съ одной стороны и увеличеніе неимущаго пролетаріата съ другой, при прогрессивномъ уменьшеніи средняго класса, попытки искоренить зло, только усиливающія упадокъ и дѣлающія революцію неизбежной (отсюда вытекаютъ—только въ огромныхъ размѣрахъ и съ совсѣмъ иными послѣдствіями—тѣ-же явленія, которыя мы раньше видѣли въ Греціи): всѣ эти обстоятельства, конечно, представляютъ большой интересъ и въ экономическомъ отношеніи и имѣютъ важное значеніе еще и для нашего времени,—но для ихъ изложенія потребовалось-бы гораздо больше мѣста, чѣмъ намъ здѣсь предоставлено ²⁾.

¹⁾ «Въ государствѣ нѣтъ даже 2000 человекъ, владѣющихъ состояніемъ» (non esse in civitate duo milia hominum, qui rem haberent, Cic. de off. II, 73), сказалъ трибунъ Филиппъ, одинъ изъ главныхъ представителей партіи капиталистовъ, въ 104 г. до Р. Х. на римскомъ форумѣ. Таковъ былъ результатъ столѣтняго владычества надъ міромъ.

²⁾ Отдѣльныхъ вопросовъ я коснулся въ моихъ «Из-

Римская имперія—это огромная держава, обнимающая всѣ культурные народы Средиземнаго моря. Одна общая культура, представляемая на Востокѣ греческимъ, на Западѣ латинскимъ языкомъ, царитъ во всемъ государствѣ и распространяется все дальше черезъ Испанію, Галлію, Сѣверную Африку, проникаетъ къ альпійскимъ племенамъ, въ германскія страны по ту сторону Рейна и Дуная, въ Британію, въ некультурныя мѣстности Иллиріи и Фракіи, въ восточную часть Малой Азіи, даже далеко вглубь Сирійской пустыни. Для Малой Азіи, Фракіи, Иллиріи, Сѣверной Африки римское владычество обозначаетъ эпоху ихъ наивысшаго расцвѣта; никогда больше эти страны не достигли даже приблизительно такого благосостоянія и такой густоты населенія, какъ въ то время. Культура и теперь еще является въ формѣ городского государства, которое римляне распространяютъ на все болѣе широкіе круги и которое въ заключеніе еще разъ оказывается носителемъ древней, т. е. по своимъ основамъ греческой культуры ¹⁾. Правда, эти государства должны были отказаться отъ своей давнишней самостоятельной политики; найдена была форма, под-

слѣдованіяхъ по исторіи Гракховъ» (Halle 1894), разбирая толкованія нашихъ источниковъ. См. также извѣстную работу Нитча Die Gracchen, и блестящее, но не всегда вѣрное описаніе этой эпохи у Моммсена.

¹⁾ Въ Беотикѣ Плиній насчитываетъ 175 городовъ, въ Тарраконской области—179 oppida изъ 293 общинъ; остальные 114—сельскія общины. Въ Лузитаніи, конечно, преобладаетъ сельская община. О разбойничьемъ племени кантабровъ Страбонъ говоритъ слѣдующее (III 3.8): «Августъ покорилъ ихъ, а Тиверій достигъ того, что они не только живутъ въ мирѣ, но нѣкоторые даже ввели у себя городскую организацію». Тотъ-же процессъ наблюдается всюду.

чинявшая городское самоуправление одному общему государственному строю. Коммунальныя дѣла рѣзко отдѣляются отъ задачъ государства, относительно которыхъ рѣшающій голосъ принадлежитъ не общинамъ, а только выборнымъ изъ всѣхъ частей государства, получающимъ доступъ въ сенатъ и къ высшимъ должностямъ до императорскаго званія включительно. Каждая провинція состоитъ изъ большого числа городскихъ округовъ (галльскіе округа занимаютъ въ общемъ то-же положеніе, какъ вообще города), въ которые включена вся окрестная земля, тогда какъ некультурныя племена и области иногда отдаются имъ въ подчиненіе ¹⁾. Они имѣютъ собственное правительство, состоящее изъ совѣта и ежегодно избираемыхъ чиновниковъ, собственное имущество, собственную юрисдикцію, частью мѣстное, частью римское право и т. д. Надъ ними въ качествѣ контролирующаго органа стоитъ представитель государственной власти, губернаторъ провинціи, облеченный вмѣстѣ съ тѣмъ высшей судебной властью (сюда входитъ также судъ надъ римскими гражданами); рядомъ съ нимъ стоятъ органы для собиранія податей и натуральныхъ повинностей въ пользу государства. Только въ немногихъ областяхъ не удалось ввести городского самоуправления: съ одной стороны, въ некультурныхъ, лишь постепенно открывавшихся для цивилизаціи странахъ, какъ Реція, Норикумъ, Коттичскія Альпы, Мавританія, Фракія и др., съ другой—у двухъ высоко-цивилизированныхъ наро-

¹⁾ Здѣсь невозможно останавливаться на полугородскихъ и сельскихъ общинахъ, которыя также сохранились, хотя и въ очень незначительномъ числѣ, какъ остатки стараго строя. Относительно этого ср. A. Schulten, Die Landgemeinden im römischen Reich, въ «Philologus» 53, 1894.

довъ, которымъ городское самоуправление было совершенно чуждо, и гдѣ его введеніе было-бы сопряжено съ большими опасностями: у египтянъ и евреевъ. Въ этихъ двухъ странахъ господствуетъ въ своей полной формѣ монархическая власть императора, осуществляемая его приказчиками—прокураторами.

Римская имперія дала міру эпоху глубочайшаго спокойствія, которое за періодъ болѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ только одинъ разъ (въ 68—69 гг.) было нарушено значительнымъ кризисомъ. Дѣятельныя сношенія, всеобщій духовный и торговый обмѣнъ, не стѣсняемый тѣми таможенными преградами, которыя существовали между отдѣльными большими областями, охватываютъ весь цивилизованный міръ. Все болѣе сглаживаются различія между господами и подчиненными, между привилегированными и массой населенія, независимо отъ того, противодѣйствуетъ-ли правительство этому движенію, какъ въ лицѣ Августа, или сознательно поощряетъ его пожалованіемъ правъ гражданства обширнымъ группамъ, какъ императоры начиная съ Клавдія,—пока, наконецъ, эдиктомъ Каракаллы (въ 212 г.) всѣ различія не были окончательно уничтожены. Въ противоположность одичанію послѣднихъ временъ республики, въ это время, несмотря на всѣ недостатки, которыхъ разумѣется и здѣсь достаточно, господствуетъ справедливый, человѣчный режимъ, радѣющій о благѣ цѣлаго, всей державы, всего orbis terrarum. Столкновенія между властями, т. е. между принцепсомъ и сенатомъ, жестокость и безуміе отдѣльных императоровъ, составляющія по общепринятому мнѣнію все содержаніе исторіи этого времени, въ сущности имѣютъ для всего государства только поверхностное значеніе и врядъ ли оказываютъ большее влія-

ніе на судьбы імперіі, чѣмъ невождержность Генриха VIII—на благоденствіе Англіи ¹⁾).

Слѣдствіемъ этой эпохи было полное крушеніе въ третьемъ вѣкѣ не только государства, но и культуры. Я никогда не могъ безъ грусти читать знаменитый рескриптъ Траяна о христіанахъ, въ которомъ онъ пишетъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на анонимные доносы: *nam et pessimi exempli nec nostri saeculi est* (Plin. epist. 10, 97). Нигдѣ, кажется, не выражается такъ живо самосознаніе великаго, достигшаго своей высоты ²⁾ культурнаго государства, которому, казалось, было обезпечено вѣчное существованіе,—а спустя столѣтіе все величіе рухнуло.

Извѣстно, что паденіе римской імперіи было вызвано отнюдь не вторженіемъ варваровъ. Только тогда, когда она уже внутри совершенно разложилась, варвары, которыхъ она сама призвала, которымъ она вложила мечъ въ руки, отняли у нея западныя провинціи. Точно такъ же не великія и опустошительныя войны третьяго вѣка являются причиной страшнаго упадка благосостоянія и уменьшенія количества населенія,

¹⁾ Мнѣ простятъ, надѣюсь, если я не стану входить въ разборъ тѣхъ фантазій, которыя O. Seesk въ своей недавно изданной *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, т. I выдаетъ за плоды новѣйшихъ научно-историческихъ изслѣдованій, и по которымъ паденіе древняго міра основано на нѣкотораго рода обратномъ подборѣ: въ то время, какъ лучшіе люди непрерывно истреблялись и самые сильныя изъ народа шли въ войско и не производили потомства, одни только слабые и трусы, остававшіеся дома, продолжали свой родъ.

²⁾ Противоположностью является, конечно, ближайшимъ образомъ упадокъ эпохи Домиціана, казавшійся невозвратнымъ.

запустѣнія государства и возврата къ варварству. Безъ сомнѣнія, войны сильно способствовали этому упадку; но задатки его существовали уже и раньше, и, какъ разъ наоборотъ, войны и прорвавшаяся анархія были его слѣдствіемъ, признакомъ наступившаго разложенія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло исключительно съ распаденіемъ культуры, достигшей наивысшаго развитія и разлагающейся изнутри, при полной исправности внутренняго строя, безъ вмѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага. Во время Антониновъ, которое обыкновенно считается самой счастливой эпохой всемірной исторіи, признаки разложенія обнаруживаются уже во всѣхъ областяхъ, а въ третьемъ столѣтіи совершается огромная катастрофа крушенія античнаго государства — конецъ древней исторіи ¹⁾).

¹⁾ Правда, съ чисто-формальной, точки зрѣнія исторія этой эпохи представляетъ и прогрессивные моменты. Какъ грандіозное зданіе Аія-Софіи или Сан-Витале въ Равеннѣ вполнѣ сохраняютъ свою оригинальность и величіе, когда мысленно ставишь ихъ рядомъ съ архитектурными памятниками перваго и втораго вѣковъ, такъ діоклетіановская монархія импонируетъ своей послѣдовательностью по сравненію съ раздвоенностью августовскаго принципата, который, благодаря своей внутренней живости, благодаря совершенно невозможной попыткѣ соединить два противоположныхъ элемента—свободное самоуправленіе сената и личную власть принцепса, носилъ въ себѣ зародышъ непрерывныхъ столкновеній. Точно такъ же моментами прогресса являются полное проведеніе бюрократическаго строя, дальнѣйшая разработка права, смягченіе грубыхъ нравовъ и увеселеній благодаря вліянію христіанства, развитіе восточной торговли, начало распространенія христіанской культуры въ Эіопіи и южной Аравіи. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ въ живописи и пластикѣ возвращеніе къ дѣтскому состоянію искусства, разложеніе государства въ западныхъ провинціяхъ, замираніе духовной и политической жизни,

Тотъ новый строй, которому положили начало Аврелианъ и Пробъ и который возвели на развалинахъ Диоклетіанъ и Константинъ, почти такъ же далекъ отъ древности и принципата, какъ монархія Карла Великаго ¹⁾.

Я далеко не въ состояніи рѣшить возникающую здѣсь грандіозную задачу. Однако можно намѣтить путь, по которому слѣдуетъ идти къ ея разрѣшенію; главные факторы катастрофы видны довольно ясно.

Самымъ общимъ моментомъ является ростъ и всеобщее распространеніе античной культуры, приводящее ее къ упадку. И на этомъ примѣрѣ подтверждается эмпирической законъ, что чѣмъ шире культура, тѣмъ она ниже. Духовная культура изсыкается, потому что ей болѣе не ставится никакихъ задачъ, потому что всѣ великіе вопросы, глубоко волнующіе умы, кажутся

прекращеніе всякой свободной дѣятельности, внутреннее одичаніе, полное подчиненіе непоколебимой традиціи, безпрерывный духовный регрессъ отъ времени Адриана къ времени Севера, отсюда къ времени Константина, отъ послѣдняго къ эпохѣ Симмаха и Воэція и, наконецъ, къ сознательному отказу отъ образованія, который мы видимъ у Григорія Великаго или Космы Индикоплевста. Нигдѣ не обнаруживается яснаго, какъ мало въ исторической жизни форма обуславливаетъ содержаніе.

¹⁾ Наиболѣе рѣзко это обнаруживается въ законодательствѣ. Въмѣсто точно и тонко формулированныхъ правовыхъ нормъ классическаго времени—неопредѣленные, затемненные избыткомъ словъ положенія, общія угрозы карою, варварскія наказанія, господствовавшія затѣмъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, напыщенная, безсодержательная болтовня о благоденствіи государства и непрестанныхъ заботахъ правителя о немъ— всѣ эти черты поражаютъ насъ уже въ одномъ изъ первыхъ актовъ этой эпохи въ диоклетіановомъ эдиктѣ „de pretiis“.

или разрѣшенными или безусловно неразрѣшимыми; чѣмъ болѣе распространяется общее образованіе, тѣмъ скуднѣе становится его содержаніе. Литература сводится къ самымъ плоскимъ произведеніямъ, какія когда-либо были созданы, къ чисто формальнымъ, лишеннымъ всякаго разумнаго содержанія компиляціямъ такъ называемой второй софистики и къ компендіямъ и сборникамъ, гдѣ въ удобной для пользованія формѣ сопоставлено все наиболѣе достойное изученія, и которые тщательно избѣгаютъ и дѣлаютъ невозможнымъ всякое самостоятельное мышленіе. Объемъ знаній, конечно, уменьшается отъ поколѣнія къ поколѣнію, равно какъ и интересъ къ классическимъ произведеніямъ. Что касается искусства, то достаточно упомянуть только о поразительно быстромъ упадкѣ, который, въ противоположность великимъ произведеніямъ эпохи Траяна и Адриана, обнаруживается уже при Антонинахъ и еще несравненно сильнѣе въ аркѣ Севера.

Слѣдствіемъ этого процесса была утрата образованными людьми того руководящаго вліянія въ области умственной жизни, которое они пріобрѣли начиная съ пятаго вѣка, со времени эмансипаціи просвѣщенія отъ народныхъ предрасудковъ, отъ вѣры и обычаевъ предковъ. Мѣсто просвѣтительныхъ идей и философіи занимаетъ исходящее изъ низшихъ слоевъ и проникающее все въ болѣе высокіе круги религиозное движеніе ¹⁾, приведшее во второмъ и третьемъ вѣкѣ къ великой

¹⁾ Это движеніе начинается въ серединѣ перваго вѣка до Р. Х., въ то время, когда готовится сначала на востокѣ, а затѣмъ и на западѣ, заключительная стадія античнаго развитія, получившая затѣмъ свою окончательную форму въ принципатѣ.

борьбѣ вѣрованій, изъ которой побѣдителемъ вышло христіанство.

То обстоятельство, что и въ политической и военной сферѣ руководящее вліяніе переходитъ отъ образованныхъ классовъ къ массѣ, является лишь оборотной стороной этого процесса. И здѣсь какъ разъ совершенство культурнаго государства ведетъ къ его гибели.

Въ области военнаго дѣла ¹⁾ при Цезарѣ и триумвирахъ начинаютъ привлекать провинціаловъ на службу въ легіонахъ, доступъ въ которые до сихъ поръ былъ открытъ только для римскихъ гражданъ. Августъ, вообще старавшійся возстановить древніе римскіе нравы и поддержать различіе между римлянами и подвластными народами, ограничилъ право службы въ легіонахъ одними гражданами, но вездѣ присоединилъ къ легіонамъ не-гражданскія «вспомогательныя войска», служившіе въ которыхъ солдаты по выслугѣ получали права гражданства. Только въ крайнихъ случаяхъ и онъ принужденъ былъ составлять легіоны изъ провинціаловъ. Но склонность гражданъ къ военной службѣ все уменьшалась, и такимъ образомъ приходилось все въ большихъ размѣрахъ привлекать въ легіоны не-гражданъ. При Флавіяхъ жители Италіи уже не встрѣчаются въ

¹⁾ См. Mommsen, „Die Konskriptionsordnung der römischen Kaiserzeit“. Hermes XIX, 1 слл. во многихъ важныхъ частностяхъ подтвержденное Seeck'омъ, «Die Zusammensetzung der Kaiserlegionen», Rhein. Mus. 48, 602 слл. Обыкновенно не обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что легіонеры триумвировъ, набросившіеся на несчастную Италію, въ 42/1 году когда имъ были розданы конфискованныя поземельныя владѣнія шестнадцати италійскихъ городовъ, были большей частью варварами, получившими права гражданства (ср. Вергилій, Ecl. 1,72). Теперь это подтверждается результатами изслѣдованія Seeck'a.

войскѣ; при Адрианѣ вводится мѣстный наборъ, т.-е. культурныя страны, умиротворенныя провинціи, въ которыхъ не расположены войска, фактически освобождаются отъ военной службы. Съ середины второго вѣка дѣйствительные римскіе граждане фактически не обязаны служить даже въ провинціяхъ, тогда какъ номинальные граждане, служащіе въ легіонахъ,—ничто иное, какъ провинціалы, получившіе при вступленіи на службу права гражданства ¹⁾. Понемногу рекрутскій наборъ ограничивается только сельскими областями; образованные люди, горожане, больше не обязаны служить, они отказались отъ меча. Послѣдствія этого порядка вещей ясно выступаютъ въ страшныхъ смутахъ третьяго столѣтія: грубая военщина захватываетъ въ свои руки власть и въ теченіе полувѣка дерется

¹⁾ Аристидъ I, р. 352 Dind у Діона (52,27) Меценатъ совѣтуетъ Августу окончательно отказаться отъ принципа всеобщей воинской повинности: «пусть все другіе живутъ безъ оружія и стѣнъ, а самыхъ сильныхъ и бѣдныхъ избери и составъ изъ нихъ постоянное войско. Такимъ образомъ будутъ предотвращены непрерывныя гражданскія войны, и остальное населеніе будетъ подъ охраной чужого оружія мирно заниматься земледѣліемъ, торговлей и промышленностью, тогда какъ люди, способные къ военной службѣ, которые до сихъ поръ занимались преимущественно разбоемъ, сдѣлаются полезными для государства». «Августъ освободилъ италійцевъ отъ войны и взялъ у нихъ изъ рукъ оружіе, а охрану государства ввѣрялъ набранному наемному войску», говорится у Геродіана (II, 11,5). Аврелій Викторъ (3,14) говоритъ: «Послѣ убіенія Калигулы республика была-бы возстановлена, если-бы граждане еще несли военную службу. Но съ тѣхъ поръ какъ они вълѣдствіе изнѣженности свалили военную службу на иностранцевъ и варваровъ, въ странѣ воцарились развратъ и корыстолюбіе, и свобода подавлена». Относящіяся сюда указанія надписей см. у Моммсена, I. с.

изъ-за добычи; она возводитъ на престолъ одного полководца за другимъ—тѣмъ охотнѣе, чѣмъ онъ грубѣе—и такъ же быстро свергаетъ его. Монархія Діоклетіана, какъ извѣстно, сдѣлала еще шагъ дальше; она составляетъ лучшія войска уже не изъ своихъ подданныхъ, а изъ жителей пограничныхъ областей, и такимъ образомъ сама вводитъ варваровъ въ государство.

Въ то же время падаетъ городское самоуправленіе. Оно постепенно подавляется развитіемъ чиновничества, все бѣльшимъ расширеніемъ сферы надзора и контроля центральныхъ органовъ. Выгоды, доставляемыя городскими должностями, исчезаютъ, ихъ неудобства, крупныя тягости, которыя сопряжены съ ними, остаются. Если раньше богатые люди стремились къ почетнымъ должностямъ, если какой-нибудь Трималхіонъ, который, какъ вольноотпущенникъ, не имѣлъ права быть муниципальнымъ чиновникомъ, безъ сомнѣнія охотно отдалъ бы за это право половину своего состоянія ¹⁾, то теперь занятіе общественной должности и участіе въ совѣтѣ считаются тяжелыми обязанностями, отъ которыхъ каждый старается отдѣлаться. Къ этому присоединяется все возрастающее равнодушіе образованныхъ людей къ политической жизни: національное самосознаніе исчезло, они совершенно устранены отъ участія въ крупной политикѣ, а теперь и ихъ вліяніе на мѣстное управленіе все болѣе суживается. Поэтому пассивное отношеніе къ жизни, стремленіе уйти отъ ея тревогъ, непрекословное подчиненіе судьбѣ становятся все болѣе обычными явленіями; основанное на политической самодѣятельности гражданство внутренне

¹⁾ Чтобы удовлетворить честолюбіе этихъ людей, Августъ, какъ извѣстно, учредилъ *sinecure seviri Augustales*.

разрушено, а на его мѣсто стала индифферентная личность.

Ко всему этому присоединяется, быстро возрастающій несмотря на продолжительное мирное время, экономическій упадокъ и убыль населенія. Процессъ, наступившій сначала въ Греціи, а затѣмъ въ Италиі, охватываетъ теперь весь культурный міръ. Извѣстно, какими средствами императоры пытались противодѣйствовать экономическому крушенію Италиі: строгіе законы Августа относительно браковъ и рожденія дѣтей, основаніе колоній въ разоренныхъ городахъ, непрерывныя раздачи запустошенной земли выслужившимъ солдатамъ, денежные подарки и прощеніе податей, регулярно повторявшіеся при воцареніи каждаго новаго императора, основанный Нервой и Траяномъ продовольственный институтъ для дѣтей, который, въ противоположность нашему обезпеченію старости, можно назвать обезпеченіемъ юности, т.-е. обезпеченіе и воспитаніе государствомъ бѣдныхъ дѣтей путемъ ассигнованія огромныхъ капиталовъ, которые безпрепятственно увеличивались благодаря пожертвованіямъ. Рабство, въ когоромъ обыкновенно видятъ причину всѣхъ золъ ¹⁾, несмотря на огромныя массы рабовъ, какими владѣли очень многіе богачи, не увеличивается, а уменьшается, частью благодаря прекращенію подвоза рабовъ и непрерывныхъ войнъ, постоянно во времена республики доставлявшихъ на рынокъ новый и дешевый человѣческой товаръ ²⁾, частью благодаря массовому

¹⁾ Ср. прил. III.

²⁾ Эти два источника рабства отчасти замѣняются очень распространенной продажей дѣтей и добровольнымъ переходомъ въ рабство бѣдныхъ людей. (Ср. напримѣръ, *Dio Chrysost. ors. 15 p. 453 R.*: «безчисленное множество собор-

отпущенію рабовъ на волю (какіе размѣры приняло это явленіе, видно изъ того, что со времени Августа количество отпускаемыхъ на волю рабовъ было ограничено). Въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ рабство даже въ худшія времена конца республики не достигало исключительнаго господства ¹⁾, земледѣльческій рабъ все больше замѣняется свободными колонами, т.-е. зависимыми хлѣбопашцами, наследственно обрабатывающими одинъ и тотъ же участокъ и занимающими середину между мелкими крестьянами и батраками ²⁾.

ныхъ людей продаютъ себя и въ силу договора становятся рабами, нѣкоторые даже на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ — характерный признакъ господствующаго экономическаго кризиса); ср. Mommsen, Bürgerlicher und peregrinischer Freiheitsschutz im röm. Staat въ Jurist. Abhandlungen für G. Besebr. стр. 263 слл.

¹⁾ Что какъ для жатвы, такъ и для посѣва были необходимы свободные наемные рабочіе—это разумѣется само собою и на это указываютъ, начиная съ Катона, всѣ авторы, писавшіе о сельскомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, рядомъ съ прямой эксплуатаціей имѣнія при помощи нескованныхъ и скованныхъ рабовъ, всегда существовала отдача въ аренду отдѣльныхъ полосъ свободнымъ колонамъ, которую Колумелла (I 7, 6) рекомендуетъ особенно для отдаленныхъ участковъ, куда владѣлецъ только изрѣдка можетъ заглянуть. Во времена имперіи эта форма хозяйства дѣлается все болѣе господствующей. Такъ, наприм., въ обширныхъ помѣстьяхъ Плинія Младшаго по рѣкѣ По она безусловно преобладаетъ (Ep. III 19, IX 37). Напротивъ, въ пастбищномъ хозяйствѣ, совершенно отбѣсившемъ земледѣліе въ Нижней Италіи и Апуліи, отчасти, вѣроятно и въ Этруріи, рабскій (плантаціонный) трудъ естественно сохраняетъ свое значеніе. Вообще ср. Mommsen, Die italische Bodenteilung und die Alimentartafeln, въ Hermes XIX, и Max Weber, Die römische Agrargeschichte 1891, гл. IV, гдѣ процессъ изображенъ превосходно и во всѣхъ главныхъ пунктахъ правильно.

²⁾ Weber, Röm. Agrargeschichte, стр. 150.

И несмотря на все это, безбрачіе и бездѣтность продолжаютъ господствовать въ прежней силѣ; мужчины по-прежнему стремятся изъ деревни въ Римъ, чтобы получать тамъ долю при ежемѣсячныхъ раздачахъ зерна, какъ энергично ни стараются императоры бороться съ этимъ зломъ ¹⁾; снова и снова раздаются жалобы на упадокъ сельскаго хозяйства ²⁾, постоянно есть на лицо масса необработанной земли, которая можетъ быть роздана, пока наконецъ въ 193 году Пертинаксъ разрѣшаетъ каждому «овладѣвать невоздѣланными и запущенными полями во всей Италіи и въ провинціяхъ, даже если они принадлежатъ императору; кто ихъ воздѣлываетъ, получаетъ надъ ними

¹⁾ Какъ пагубно было это учрежденіе, сдѣлавшееся необходимымъ въ силу экономическаго развитія, показываетъ извѣстіе Ціона Кассія (39, 24), что во времена Помпея въ Римѣ было обычнымъ явленіемъ отпущеніе рабовъ на волю для того, чтобы не нужно было ихъ кормить, такъ какъ въ качествѣ вольноотпущенныхъ они получали отъ государства порціи хлѣба. Августъ говоритъ, что онъ «намѣренъ былъ навсегда отмѣнить государственную раздачу хлѣба потому, что надежда принять участіе въ ней губить земледѣліе» — т.-е. потому, что свободные хлѣбопашцы уходятъ въ Римъ и забрасываютъ свои поля, — «но отказался отъ этого, ясно видя, что послѣ его смерти раздача хлѣба все-таки будетъ восстановлена» (Suet. Aug. 42). Къ концу республики число городскихъ получателей хлѣба составляло 320.000; Цезарь уменьшилъ его до 150.000; къ этому же числу вернулся и Августъ. Допускались къ получкѣ мальчики отъ 11 лѣтъ, но не допускались конечно женщины и рабы. Часто указываютъ на то, что мужское населеніе Рима далеко превосходило женское: замѣчу еще вкратцѣ, что всѣ эти люди не могли имѣть рабовъ, и что число рабовъ въ Римѣ было гораздо меньше числа свободныхъ жителей.

²⁾ Ср., напр., предисловіе Колумеллы (середина I вѣка по Р. X.).

право собственности» ¹⁾. Известно, какую роль играют впоследствии *agri deserti* въ императорскомъ законодательствѣ. Изъ Италіи это запусѣніе распространяется на провинціи. Въ сицилійскихъ городахъ запусѣніе, которому здѣсь сильно способствовали возстанія рабовъ, всюду сказывается уже во времена Страбона, а въ деревняхъ «римляне, пользуясь обезлюденіемъ страны, захватили горы и большую часть равнинъ и пользуются ими для разведенія лошадей и рогатаго скота, а также для пастбы» ²⁾. Такимъ образомъ островъ постепенно уступаетъ свое значеніе житницы Рима Африкѣ и Египту. Испанія—при первыхъ императорахъ цвѣтущая страна, югъ которой по благосостоянію населенія и многочисленности городовъ превосходилъ всѣ остальные части имперіи,—при императорѣ Маркѣ оказывается «*exhausta*» ³⁾. Та же участь постигаетъ и другія провинціи; Лактанцій въ своемъ сочиненіи о смерти гонителей, написанномъ вскорѣ послѣ 313 г., говоритъ о томъ, что «колоны,

¹⁾ Геродианъ II, 4, 6.

²⁾ Страбонъ VI, 2, 6: *ἰπποφορβοῖς καὶ βοσκῶσι καὶ ποιμαίνουσιν*, причѣмъ слово *ποιμαίνουσιν* (пастухи) указываетъ на то, что здѣсь, какъ и всюду, гдѣ рѣчь идетъ о пастбищномъ хозяйствѣ, имѣется въ виду мелкій скотъ—овцы и козы.

³⁾ *Vita Marci* I 1. Это подтверждается замѣчаніями Авіана, государственнаго дѣятеля IV столѣтія, которыя онъ вставилъ въ свою поэтическую обработку одного древняго географическаго произведенія (содержаніе послѣдняго было для него совершенно непонятно: этотъ плодъ досуга чловѣка, достигшаго высшихъ должностей, служить лучшимъ доказательствомъ духовнаго оскуднѣнія, шедшаго рука объ руку съ матеріальнымъ). Напримѣръ, Кадиксъ, цвѣтущій, густо-населенный торговый городъ временъ Цезаря и Августа, «теперь бѣденъ и малъ, покинутъ жителями,—куча рзавалинъ» (*Or. marit.* 270 слл. Авіенъ самъ былъ тамъ).

измученные гнетомъ налоговъ, покидаютъ поля, и нивы поростають лѣсомъ ¹⁾. Известны слова Сальвиана (первая половина пятаго столѣтія), приписывающаго всю вину богатымъ, ихъ притѣсненіямъ и грабительству: «это знаютъ испанскія провинціи, отъ которыхъ осталось одно названіе, раззоренная Африка, опустошенная Галлія» ²⁾.

Эти факты показываютъ, какъ разореніе возросло съ каждымъ вѣкомъ. Съ ужасающей ясностью упадокъ обнаружился впервые при императорѣ Маркѣ, одномъ изъ лучшихъ людей, когда-либо возсѣдавшихъ на престолѣ (161—180). Подати больше не вносятся, колоссальная убыль населенія, которому еще способствовала чума ³⁾, сказывается повсюду, и только съ

¹⁾ *De mort. persec.* 7. Объясненіе, что виновенъ въ этомъ Диоклетіанъ, увеличившій число чиновниковъ и войска, внушено ожесточенной ненавистью и справедливо только въ очень узкомъ смыслѣ. Это было общее явленіе, длившееся цѣлые вѣка. Burekhardt (*Constantin d. Gr.* стр. 58) справедливо замѣчаетъ, что мнѣніе Евсевія о благотворномъ вліяніи, которое оказало двадцатилѣтнее царствованіе этого императора (*Hist. eccles.* VIII 13, 9), опровергаетъ утвержденіе Лактанція.

²⁾ *De gubern. Dei* IV, 4. Здѣсь, какъ и вездѣ, я долженъ ограничиться лишь немногими характерными ссылками. Ср. описаніе Діона въ прил. II.

³⁾ Древніе видѣли въ чумѣ причину, тогда какъ ея опустошительное и никогда не изгладившееся вліяніе въ дѣйствительности было только симптомомъ упадка. Параллельное явленіе представляетъ то грубое суевѣріе, которое быстро распространялось въ это время, захватывая все болѣе высокіе круги и яркое описаніе котораго даетъ «Александръ» Лукіана. Въ послѣдующее время вѣра въ колдовство, чудеса, сны и предзнаменованія господствовала во всѣхъ кругахъ безъ исключенія и имѣла рѣшающее вліяніе на поступки даже самыхъ высокопоставленныхъ и умныхъ людей. Начался этотъ процессъ гораздо ранѣе.

величайшимъ напряженіемъ государство можетъ довести до конца пограничную войну съ маркоманами. Дѣйствительно здоровую жизнь можно найти только въ нецивилизованныхъ областяхъ, во Фракіи и Иллиріи, отчасти въ Галліи и Африкѣ. Чтобы имѣть необходимыхъ крестьянъ, со временъ Марка начали селить въ имперіи побѣжденныхъ варваровъ въ качествѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ эмфитефтовъ, главнымъ образомъ въ придунайскихъ провинціяхъ и— правда, безуспѣшно,—въ Италіи.

Причиною этого процесса является прежде всего непрерывный ростъ крупнаго капитала и неизбѣжное рядомъ съ нимъ увеличеніе неимущаго пролетаріата. Капиталъ скупаетъ землю ¹⁾ и дѣлаетъ существованіе цвѣтущаго крестьянскаго сословія невозможнымъ. Извѣстно скорбное восклицаніе Плинія: *latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias*, извѣстно его сообщеніе, что половина Африки принадлежала шести собственникамъ, пока Неронъ не погубилъ ихъ и не конфисковалъ ихъ имѣній въ пользу императо-

¹⁾ Этому значительно способствовало то обстоятельство, что римскимъ сенаторамъ съ 219 года были запрещены всякія какъ денежныя, такъ и коммерческія дѣла (Liv. 21. 63). Эта мѣра, энергично поддерживаемая поборникомъ крестьянства К. Фламиніемъ, была вызвана исключительно консервативными стремленіями крестьянства; но она неизбежно вела къ тому, что сенаторы скупали все больше земли, и когда они, благодаря всемірному владычеству Рима, приобрѣли несмѣтныя состоянія,—ихъ поземельныя владѣнія сдѣлались неизмѣримыми и погубили крестьянство. То обстоятельство, что законъ обходили иногда даже такіе люди, какъ Катонъ, принимавшій участіе въ морскихъ предпріятіяхъ при посредствѣ одного вольноотпущенника, не мѣняетъ дѣла. Притомъ въ древности, какъ и теперь, и банкиры помѣщали часть своего состоянія въ поземельныя

ра ¹⁾. То обстоятельство, что во времена имперіи—въ противоположность къ республиканской эпохѣ—крупное сельско-хозяйственное производство, основанное на рабскомъ трудѣ, все падаетъ и уступаетъ мѣсто раздачѣ мелкихъ участковъ свободнымъ арендаторамъ, ничего не измѣнило въ этомъ процессѣ. Дѣло въ томъ, что эти арендаторы, колонны, въ экономическомъ отношеніи лишены всякой самостоятельности; они получаютъ весь хозяйственный инвентарь отъ собственника и отбываютъ на него барщину ²⁾; изъ нихъ никогда не могло выйти самостоятельнаго здороваго крестьянскаго сословія. Кромѣ того, хлѣбопашество было выгодно только въ странахъ, вывозившихъ зерно, въ Египтѣ и Африкѣ, тогда какъ въ Италіи оно все болѣе замѣнялось частью скотоводствомъ, частью разведеніемъ оливокъ и винодѣліемъ ³⁾, хлѣба же обыкновенно засѣвалось не больше, чѣмъ было необходимо для собственнаго хозяйства. Домиціанъ, недобѣрчивый деспотъ, но дальновидный правитель, «приказалъ, чтобы въ Италіи никто не насаживалъ новыхъ вино-

владѣнія: званіе землевладѣльца по понятіямъ античнаго, какъ и современнаго общества—высшее, его занятіе—самое «приличное».

¹⁾ Plin. Nat. hist. 18, 35.

²⁾ Къ этому присоединяется оброкъ за арендуемый ими участокъ.

³⁾ Извѣстно, что уже Катонъ на вопросъ, какое хозяйство приноситъ больше всего дохода, отвѣтилъ: хорошее скотоводство, затѣмъ сносное скотоводство и только третье мѣсто занимаетъ хорошее земледѣльческое хозяйство (Cic. de off. II, 25, ср. Columella VI, praef. 4). Что Италія къ концу республики и во времена имперіи почти въ такой-же степени нуждалась въ заморскомъ хлѣбѣ, какъ Греція начиная съ пятаго столѣтія, это всѣмъ извѣстно (ср., напр., Тиверія у Тацита Ann. III, 54).

градниковъ, а въ провинціи велѣлъ вырубить не менѣе половины уже существовавшихъ, такъ какъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія винодѣлія хлѣбопашество находилось въ упадкѣ, и поэтому вина было много, а хлѣба мало; но онъ не смогъ осуществить этотъ приказъ ¹⁾. При такихъ условіяхъ разумѣется легко могъ наступать недостатокъ въ хлѣбѣ и голодъ, особенно когда, какъ въ третьемъ столѣтіи, войны и возстанія узурпаторовъ безпрестанно затрудняли ввозъ хлѣба.

Но за этими условіями стоитъ еще одинъ гораздо болѣе общій факторъ—вліяніе города и городской жизни. Городъ непрерывно притягиваетъ къ себѣ сельское населеніе и всасываетъ его; деревня не только политически, но и матеріально поглощается городомъ. Если вопросъ о томъ, увеличивалось ли въ настоящее время количество городского населенія само собою, безъ притока извнѣ является спорнымъ, ²⁾ то не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ прежнія времена, благодаря нездоровымъ гигиеническимъ условіямъ ³⁾, благодаря опустошеніямъ, производимымъ эпидеміями и пожарами (а также землетрясеніями) и благодаря большой смертности дѣтей, оно не могло бы возрасти само собою и что въ древности, когда ко всему этому присоединялось описанное выше отвращеніе къ браку и когда не существовало принудитель-

¹⁾ Sueton. Domit. 7.

²⁾ Cp. R. Hansen, Die drei Bevölkerungsstufen, 1889, выходы котораго, впрочемъ, многократно оспаривались.

³⁾ Несмотря на превосходные водопроводы, клоаки и т. д. это замѣчаніе примѣнимо и въ римское время по крайней мѣрѣ къ большимъ городамъ, въ которыхъ населеніе было тѣсно скучено; впрочемъ гигиеническіе условія средневѣковыхъ и современныхъ городовъ вплоть до нашего времени были еще гораздо хуже.

ной необходимости воспитывать дѣтей, количество городского населенія должно было безъ внѣшняго притока непрерывно уменьшаться. Однако и это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія; потому что при нормальныхъ условіяхъ эта убыль возмѣщалась бы увеличеніемъ количества сельскаго населенія. Но тутъ-то и обнаруживается растлѣвающее вліяніе города ¹⁾: благодаря матеріальнымъ и социальнымъ выгодамъ, которыя онъ доставляетъ и которыя дѣйствуютъ какъ магнитъ на сельское населеніе, еще болѣе благодаря видамъ на быстрое обогащеніе и хорошо оплачиваемыя занятія, а также на даровое содержаніе, на возможность для бѣдняка просуществовать попрошайничествомъ и тунеядствомъ, особенно-же благодаря полному развитію капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права совсѣми ихъ послѣдствіями, посредствомъ которыхъ онъ пересиливаетъ сельскій строй и систематически уничтожаетъ естественныя и необходимыя для послѣдняго жизненныя и торговыя отношенія,—городъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе сельскаго населенія. Этотъ процессъ можетъ продолжаться цѣлыя столѣтія, а неопытный наблюдатель и не замѣтитъ его вліянія: увеличивающійся блескъ и возрастаніе народнаго богатства могутъ скрывать отъ взоровъ нездоровое состояніе государства. Но, наконецъ, долженъ наступить моментъ, когда слѣдствія ясно сказываются, когда разореніе сельскаго населенія отражается и на городѣ. Торговля и сношенія прерываются, промышленность замираетъ, тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла, потому

¹⁾ Я говорю здѣсь, конечно, только о современномъ, а не о средневѣковомъ земледѣльческомъ городѣ.

что съѣстные припасы—эти главные ресурсы жизни, которыхъ не можетъ возмѣстить никакая промышленность,—не производятся въ достаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ города начинаютъ пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни ¹⁾. Всѣ лучшіе люди времянъ имперіи чувствовали ненормальность существующихъ условій, сознавали, что эта черезъ мѣру развившаяся, достигшая высшей точки культура, носитъ въ себѣ зародышъ смерти, и не разъ съ грустью указывали на грядущую опасность. Тоска по естественнымъ условіямъ жизни, мечты о возвратѣ къ простой и безъискусственной обстановкѣ деревенской жизни высказывались достаточно часто ²⁾; но осуществить эти мечты было невозможно. Горожанинъ не можетъ снова сдѣлаться поселяниномъ; проникнутый сознаниемъ своей причастности къ умственной жизни города и къ высшимъ культурнымъ наслажденіямъ, даже послѣдній горожанинъ смотритъ съ презрѣніемъ на глупаго крестьянина, на *raganus*'а. Такимъ образомъ процессъ приходитъ къ концу: городъ, первоначально бывший главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиною колоссальнаго роста благосостоянія, въ концѣ концовъ уничтожаетъ благосостояніе, культуру и наконецъ самого себя.

И вотъ наступаетъ ужасный кризисъ третьяго столѣтія, доводящій разложеніе до крайнихъ предѣловъ. Теперь экономическій упадокъ очевиденъ даже для самага непроницательнаго глаза; наиболее рѣзкимъ

¹⁾ Ср. прил. II.

²⁾ Этому соответствуетъ въ наше время болѣзненное явленіе, называемое натурализмомъ, столь же ложное по своей сущности, какъ и сентиментальныя декламации милліонера Сенеки.

симптомомъ его является все возрастающая нужда въ деньгахъ, великій монетный кризисъ, систематическое ухудшеніе монеты въ теченіи цѣлаго столѣтія, государственное банкротство ¹⁾: все это въ концѣ концовъ приводитъ во времена Діоклетіана къ тому, что дѣйствительный денежный обмѣнъ прекращается и деньги снова становятся товаромъ ²⁾. Слѣдствіемъ этого процесса является возвратъ къ первобытнымъ условіямъ, но не въ смыслѣ возстановленія здоровыхъ отношеній древности—это было бы совершенно невозможно,—а въ томъ смыслѣ, что вездѣ воцаряется принужденіе, юридическое обязательство. Всѣ профессіи, всѣ общественныя положенія дѣлаются наследственными. Принудительная наследственность званія городского совѣтника, декуріона, существуетъ уже при Антонинѣ и Верѣ ³⁾. Декуріоны становятся отвѣтственными за

¹⁾ Объясненіе нужды въ деньгахъ непрерывнымъ отливомъ золота въ индійскую торговлю я считаю неправильнымъ. При возникновеніи крупныхъ историческихъ процессовъ могутъ дѣйствовать многіе второстепенные факторы, но выводить явленіе исключительно изъ послѣднихъ всегда ошибочно: великія послѣдствія заставляютъ предполагать и великія причины.

²⁾ Ср. Mommsen, *Gesch. d. röm. Münzwesens* 827 слл. Въ своей статьѣ *Die diocletian. Taxordnung vom Jahre 301* въ *Ztschr. f. die gesamte Staatswissenschaft*, 50, 1894 стр. 193 слл. Бюхеръ очень вѣрно и наглядно изобразилъ этотъ процессъ. Замѣчательно, что и во время французской революціи за банкротствомъ государства немедленно послѣдовало установленіе максимума, примѣненіе котораго сопровождалось такими же грубыми насиліями и такимъ-же малымъ успѣхомъ, какъ и при Діоклетіанѣ.

³⁾ *Dig.* 50,1, 38,6. Ульпіанъ смотритъ на это, какъ на нѣчто совершенно понятное, и предлагаетъ, чтобы выселившіеся декуріоны были силою возвращены намѣстниками на родину для исправленія своихъ должностей (*Dig.* 50, 2, 1).

исправный взносъ городскихъ податей, землевладѣльцы—за поголовную подать своихъ арендаторовъ, цехи—за свои повинности. Цеховое устройство было введено Александромъ Северомъ, какъ и обязательная служба для солдатскихъ дѣтей—въ противномъ случаѣ они теряли отведенные имъ въ пограничныхъ провинціяхъ участки земли. Въ четвертомъ вѣкѣ всѣ корпорации сдѣлались наслѣдственными; такимъ же образомъ становится наслѣдственнымъ и хлѣбопашество. Отсюда возникаетъ колонатъ позднѣйшаго императорскаго періода; наслѣдственные арендаторы (coloni) становятся крестьянами, привязанными къ землѣ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ избрать себѣ другой профессіи или покинуть свое мѣстожительство; они лично свободны, но продаются вмѣстѣ съ землею, ихъ господинъ собираетъ съ нихъ поголовную подать въ пользу государства, а впослѣдствіи долженъ изъ нихъ же набирать отряды для войска ¹⁾. Одновременно во многихъ отрасляхъ государственнаго быта совершается возвратъ къ натуральному хозяйству въ собираніи податей (гдѣ во всѣ времена существовали натуральная повинности), въ выдачѣ жалованья и окладовъ ²⁾. Впрочемъ, со времени Константина здѣсь снова наступаетъ нѣкоторое улучшеніе.

¹⁾ Мнѣніе, достигшее всеобщаго признанія благодаря авторитету Савинья (его принялъ и Seeck).—будто кодоны произошли отъ поселенныхъ внутри государства варваровъ, совершенно не основательно; причины этого явленія гораздо шире и глубже. Правильное объясненіе далъ впервые Гегель. Изъ новѣйшихъ см. особенно Karlowa, Röm. Rechtsgeschichte, 1, 923 слл. и Röm. Agrargeschichte, M. Weber'a, который ясно и исчерпывающимъ образомъ изложилъ происхожденіе колоната.

²⁾ Въ своей статьѣ Die diocletianische Taxordnung (Zeit-

Этимъ заканчивается круговоротъ античнаго развитія. Пѣлъ и самоуправленіе погибли, и на ихъ мѣсто вступаетъ бюрократическій режимъ византійской монархіи. Въ новой формѣ государство и культура прочно удержались на Востокѣ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія; западъ-же былъ оторванъ отъ имперіи и еще въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій все глубже погружался въ варварское состояніе, пока постѣпенно не начала развиваться новая культура.

Мы еще очень далеки отъ окончательнаго разрѣшенія всѣхъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ. Но это, можетъ быть, наиболѣе интересная и важная проблема всемірной исторіи. Ибо если мы часто можемъ наблюдать возникновеніе и развитіе культуры, то только

schr. für die gesamte Staatswissenschaft 50, 1894) Бюхеръ говоритъ (стр. 197): „Это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если уяснить себѣ, какъ глубоко весь римскій міръ въ четвертомъ столѣтіи еще былъ погруженъ въ натуральное хозяйство“. Если бы вмѣсто „еще“ стояло „снова“, тогда противъ этого положенія ничего нельзя было бы возразить. Возвратное движеніе начинается при Александрѣ Северѣ (Vita 42), который сталъ выдавать чиновникамъ кромѣ жалованья еще содержаніе натурой, и затѣмъ непрерывно усиливается. Къ этому времени относятся собранные Родбертусомъ примѣры, значеніе которыхъ онъ неосторожно распространилъ на все римское время, даже на всю древность. До какой степени римское общество было проникнуто принципомъ денежнаго хозяйства, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ формулярномъ процессѣ обвиняемый могъ быть присужденъ, какъ извѣстно только къ уплатѣ денежной суммы, хотя-бы дѣло шло совсѣмъ объ иной вещи, на примѣръ, о правѣ собственности.

здѣсь ¹⁾ историкъ можетъ изучать удивительный феноменъ,—какъ культура, достигшая высшей степени развитія, разлагается изнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству.

¹⁾ Правда, аналогичнымъ процессомъ является упадокъ ислама; но здѣсь, несмотря на нашествіе монголовъ, упадокъ не такъ глубокъ, да и предшествовавшая культура не такъ высока, какъ въ древности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Памятникъ египетскаго натурального хозяйства.

L. Borchardt въ Zeitschr. für ägypt. Sprache XXVIII, 1890, подробно разобралъ и, насколько было возможно, перевелъ часть отрывковъ «счетной книги царскаго двора конца средняго царства», дошедшихъ до насъ въ одномъ изъ папирусовъ египетскаго музея въ Каирѣ. Въ виду исключительнаго значенія этого документа, дающаго возможность близко ознакомиться съ полнѣ выработанной, удовлетворявшей очень сложнымъ требованіямъ системой египетскаго натурального хозяйства, я приведу здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ него. Онѣ взяты изъ наилучше разработаннаго самимъ Борхардтомъ счета 26-го дня втораго мѣсяца Шатъ (т. е. втораго мѣсяца года (Паофи); египетскій годъ дѣлился на три части по четыре мѣсяца) третьяго года царствованія какого-то неизвѣстнаго фараона. Переводъ, кромѣ пропусковъ и бѣглости письма, затрудняется еще тѣмъ, что мы не умѣемъ точно перевести многіе титулы и названія съѣстныхъ припасовъ; въ такихъ случаяхъ я обозначалъ предметы черезъ X; кромѣ того, имѣя въ виду уяснить

только способ веденія счета, я не задумывался иногда переводить болѣе свободно ¹⁾ и не останавливался передъ нѣкоторыми неточностями.

Счеты писаны въ Оивахъ придворнымъ писцомъ Неферотепомъ, получавшимъ указанія отъ гофмаршала Энтефемаба, напр.: «Пришелъ гофмаршалъ Энтефемабъ и далъ слѣдующее письменное предписаніе: выдать царицѣ, принцамъ, принцессамъ и дамамъ гарема изъ доходовъ сего дня. Приказаніе было исполнено». Затѣмъ слѣдуетъ подробный перечень: «Счетъ ихъ полученій въ этотъ день». Царица получаетъ 30 хлѣбовъ, 5 кружекъ пива, 1 пучекъ овощей и пр. ²⁾, принцъ и принцессы, очевидно еще молодые,—всего по десять хлѣбовъ, дамы гарема («царскія сестры») по 10 хлѣбовъ и 1 кружкѣ пива, и т. д. Разница въ размѣрѣ окладовъ объясняется, конечно, тѣмъ, что указанныя порціи назначались и для слугъ даннаго лица.—Подобное же указаніе дается для второго гофмаршала Кеки и для всѣхъ вельможъ и придворныхъ чиновъ.

¹⁾ Такъ, я пишу просто «царь» или «царскій» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ текстѣ говорится «господинъ» съ послѣдующимъ стереотипнымъ благословеніемъ. Точно также я перевелъ слово *shepnet*, обыкновенно переводимое черезъ «гаремъ» просто словомъ «дворъ», такъ какъ оно очевидно имѣетъ очень обширное значеніе (Vorchardt, стр. 34).

²⁾ Цифры остальныхъ выдачъ испорчены. Впрочемъ, въ *этомъ* отрывкѣ рѣчь идетъ объ единичной, исключительной выдачѣ.

Слѣдующій заключительный счетъ этого дня раскрываетъ намъ общій характеръ дворцоваго хозяйства.

Разсчетъ царскаго хозяйства ¹⁾ на $\frac{26}{2}$ III.	Хлѣбовъ.		Пива круж.		Большихъ круж. (?)	Овощей (пучковъ?)	X.	X.
	Х.	X.	X.	X.				
1) Счетъ регулярныхъ доходовъ за $\frac{26}{2}$ III ²⁾	1630	—	130	1	52	200	—	—
2) Остатокъ съ $\frac{25}{2}$ III	210	487	12	—	—	—	—	—
3) (Экстраординарные) доходы (этого дня)	—	716	125	—	30	1 ³⁾	20	10
4) Полученія отъ храма Амона по приказанію царя ⁴⁾	100	—	—	—	—	—	—	—
Сумма I	1940	1203	267	1	82	200	20 (10)	—
II. Расходы ⁵⁾ .								
1) Выдано двору	575	150	52	1	52	100	—	—
2) > > (рукоп. испорч.)	600	—	56?	—	—	50	—	—
3) > многимъ людямъ (непереводимо) ⁶⁾	525	—	38	—	—	50	—	—
4) Содержаніе вельможъ . . . дома	—	820	102	—	30	—	2	4
5) Раціоны для гофмаршала Кеки ⁷⁾	—	30	3	—	—	—	—	—
Сумма II.	1700	1000	251	1	82	200	2	4
Излишекъ (остатокъ на слѣд. день)	240	203	16	0	0	0	0 ⁸⁾	0 ⁸⁾

¹⁾ Буквально «Разсчетъ вещей господина».

²⁾ Буквально «Списокъ вещей господина». Это неизмѣнные доходы каждаго дня, перечень которыхъ за п^т саяцъ (онъ приведенъ у Борхардта, стр. 8) пока

Этотъ заключительный расчетъ основанъ на отдѣльныхъ счетахъ даннаго дня. Списокъ экстраординарныхъ доходовъ—они, какъ кажется, проходили черезъ руки визиря—къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ для насъ непонятенъ; по мнѣнію Борхардта, писецъ противопоставляетъ здѣсь доходы дѣйствительно поступившимъ, которые значительно уступаютъ первымъ. Приведу нѣсколько образцовъ изъ расходовъ (среди которыхъ встрѣчаются и расходы на куренія, жертвоприношенія и т. д.); имена я опускаю.

суммы, которыя здѣсь выставлены. Отъ нихъ отличаются экстраординарныя поступления подъ рубрикой 3 (буквально «поступило въ качество доходовъ, обозначенныхъ подъ этимъ днемъ»), колеблющаяся изо дня въ день.

3) Такъ какъ эта статья не принята во вниманіе при подсчетѣ, то здѣсь, вѣроятно, произошла ошибка; это случается не разъ и, можетъ быть, указываетъ, какъ полагаетъ Борхардтъ, на утайки писца, хотя врядъ-ли можно допустить, что онъ заносилъ-бы ихъ въ списки.

4) Царь получаетъ ежедневно изъ храмоваго имущества 100 хлѣбовъ и, кромѣ того, большей частью еще по 10 кружекъ пива.

5) Смыслъ ясенъ, хотя словъ и нельзя перевести. Къ сожалѣнію, слѣдующія указанія относительно отдѣльныхъ категорій сильно повреждены, а сохранившееся частью непонятно.

6) Можетъ быть, здѣсь обозначены низшія группы пенсіонеровъ двора.

7) Соотвѣтственно вышеупомянутой ассигновкѣ, въ которой выставлены тѣ-же суммы.

8) Такъ какъ мы не знаемъ, какіе предметы здѣсь обозначены, то мы не знаемъ и того, какъ объяснить этотъ пунктъ, не соотвѣтствующій отдѣльнымъ суммамъ

Списокъ вельможъ и ихъ полученій въ этотъ день, какъ приказано:

	Кружекъ пива.	X.	X.	X.
Визирь и комендантъ города	1	1	1	1
Камергеръ генераль	1	1	1	1
„ начальн. госуд. имуществъ	1	1	1	1
„ личный секретарь царя	1	1	1	1
Точно также четыре другихъ секретаря, каждый	1	1	1	1
Начальникъ гвардіи	1	1	1	1
Замѣститель коменданта города	1	1	1	1
Генераль пѣхоты	1	1	1	1
Церемоніймейстеръ	1	—	1	1
Точно также три офицера гвардіи, три чиновника визиря, два низшихъ начальника канцелярій, каждый	1	—	1	—
великіе (неизв.)	10	—	—	—
Сумма	30	11	20	11

	Хлѣбовъ.	Кружекъ пива.	X.	X.	Больш. круж.
Царица	10	2	1	—	2
Принцъ и три принцессы, кажд.	10	1	—	5	—
6 дамъ гарема кажд.	20	2	—	5	—
Одна „ „	20	1	—	5	—
Двѣ „ „	10	1	—	5	—
Судья Нехента 1)	20	2	—	5	—
Два офицера гвардіи, кажд.	20	2	—	5	—
Три высшихъ судебныхъ чиновн., каждый	20	2	—	5	—
Четвертый судебн. чиновн.	10	1	—	5	—

и т. д.

1) Одинъ изъ высшихъ судебныхъ чиновниковъ.

Изъ этихъ счетовъ не всегда можно понять, какъ относятся однѣ суммы къ другимъ; мы узнаемъ, на- примѣръ, что названныя придворныя дамы и чиновники ежедневно получаютъ впередъ по кружкѣ пива, кото- рая поэтому не засчитывается въ отдѣльныя дневныя порціи. Безъ сомнѣнія, происхожденіе различныхъ вы- дачъ имѣло вліяніе на характеръ счетоводства. Но лежа- щая въ его основаніи система вполне ясна.

II. Греческій провинціальный городъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.

Картина состоянія маленькаго города на Эвбеѣ, которую рисуетъ Діонъ Хрисостомъ въ своей седьмой рѣчи, такъ характерна для того времени и даетъ та- кое живое представленіе о причинахъ упадка древ- няго міра, что я считаю нужнымъ подробно воспроиз- вести ее здѣсь.

Городъ, которому принадлежитъ дикая, круто спу- скающаяся къ Эгейскому морю мѣстность на юго-во- сточномъ берегу Эвбеи ¹⁾—*κοῖλα τῆς Εβρίας* или каферскія скалы, грозящія неминуемой гибелью всякому занесен- ному сюда кораблю,—имѣетъ устройство, общее всѣмъ греческимъ городамъ: мы находимъ здѣсь верховное вѣче, засѣдающее въ театрѣ, выборныхъ чиновниковъ, литургіи богатыхъ людей (р. 230); въ нѣкоторыхъ слу- чаяхъ всѣмъ гражданамъ раздаются деньги (р. 238); *εὐεργεταὶ τῆς πόλεως* освобождены отъ податей и литургій (р. 230); заслуженные граждане получаютъ пищу въ пританеѣ (р. 242). Утайка общественныхъ денегъ

¹⁾ Названіе города съ умысломъ опущено.

(*τὰ κοινὰ ἑρπάζειν*) случается и здѣсь, какъ вездѣ (р. 231). Городъ, конечно, укрѣпленъ; въ гавани находится мно- го кораблей (р. 228). Граждане живутъ торговлей и промышленностью (ср. р. 223, 258), многіе кромѣ того владѣютъ скотомъ ¹⁾, который выгоняется на город- ское пастбище (р. 233). Весь округъ принадлежитъ городу и обязанъ платить ему подати. Большая часть земли, если не вся, принадлежитъ богатымъ людямъ, которые владѣютъ огромными имѣніями, утилизируе- мыми частью какъ пастбища, частью для земледѣлія. Но страна совершенно пустынна. «Почти двѣ трети нашей области», говоритъ одинъ изъ гражданъ въ на- родномъ собраніи, «лежатъ въ запустѣніи, потому что мы не заботимся о ней и имѣемъ слишкомъ мало населенія. Я самъ владѣю большимъ числомъ десятинъ (*πλέθρα*, 1 плеотръ=210 кв. саж.) не только на горахъ, но и въ равнинѣ, а если-бы кто-нибудь взялся воздѣлы- вать ихъ, я не только отдалъ бы ихъ ему даромъ, но еще охотно прибавилъ бы къ этому денегъ». Слѣдуетъ разрѣшить пользованіе общественной землей для об- работки и пастбы сначала бесплатно—гражданамъ на десять, чужеземцамъ на пять лѣтъ, а затѣмъ за небольшую часть земныхъ плодовъ; налога же на скотъ совсѣмъ не должно существовать. Если же чужеземецъ будетъ обрабатывать больше 200 плео- тровъ (19 гектаровъ), то ему слѣдуетъ предоставить права гражданства. Этимъ можно было-бы устранить царящія въ городѣ бѣдность и безработицу. Теперь

¹⁾ Главнымъ образомъ, если не исключительно, мелкимъ скотомъ (*πρόβατα*). Греки, какъ извѣстно, гораздо больше пользовались овцами и козами для полученія молока и сыра, чѣмъ мы.

запустѣніе начинается у самыхъ воротъ, «страна совершенно безплодна и имѣетъ такой печальный видъ, какъ будто она лежитъ далеко въ пустынь, а не у воротъ города. Внутри же стѣнъ большая часть городской земли служитъ для посѣвовъ и пастбищъ». «Гимназію обратили въ пашню, такъ что лѣтомъ статуи Геракла и другихъ боговъ и героевъ скрыты въ хлѣбѣ; ораторъ, говорившій пердо мною, каждое утро выгоняетъ свой скотъ на рынокъ и пасетъ его передъ душой и общественными зданіями, такъ что иностранцы, прибывающіе къ намъ, смѣются надъ городомъ или жалѣютъ его» (р. 232 сл.). Сообразно съ этимъ и въ самомъ городѣ многіе дома стоятъ пустыми (р. 238); количество населенія, очевидно, постоянно уменьшается. У каферскихъ скалъ живутъ нѣсколько рыбаковъ, занимающихся ловлей пурпуровыхъ раковинъ (р. 220, 241); вся остальная область на большомъ протяженіи безлюдна. Когда-то вся эта страна принадлежала одному богатому гражданину, «который владѣлъ многими стадами рогатаго скота и лошадей, многими пастбищами и плодородными полями, и кромѣ того, большимъ состояніемъ» (р. 224). Изъ за своего богатства онъ былъ убитъ по приказанію императора, его стада были угнаны (въ томъ числѣ и скотъ, принадлежавшій его пастухамъ), и съ тѣхъ поръ земля такъ и лежитъ безъ употребленія. Осталось только двое пастуховъ, свободныхъ гражданъ города ¹⁾, которые

¹⁾ Вотъ еще одно изъ тысячъ доказательствъ въ пользу существованія свободнаго труда. Укажу также на свободныхъ женщинъ, «анимавшихся въ качествѣ полевыхъ работницъ, собирательницъ винограда или кормилицъ», о которыхъ упоминаетъ Діонъ (р. 260). Будутъ-ли наши теоретики приводить въ доказательство господствовавшего

теперь живутъ охотой и отчасти земледѣліемъ, садоводствомъ и разведеніемъ скота. Они не ходятъ въ городъ, и къ нимъ никто не приходитъ, кромѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, которымъ они оказываютъ радушный пріемъ. Только одинъ разъ у нихъ былъ городской сборщикъ податей и, такъ какъ они ничего не могли заплатить, взялъ одного изъ нихъ съ собою въ городъ. Здѣсь онъ былъ обвиненъ передъ народнымъ собраніемъ въ незаконномъ пользованіи общественной землей и вдобавокъ въ отказѣ уплатить подать, но былъ блестящимъ образомъ оправданъ.—Изъ этого описанія явствуетъ также, что здѣсь—совершенно какъ въ Италіи—крупные землевладѣльцы вели скотоводство въ большихъ размѣрахъ, въ земледѣліи же крупное хозяйство исчезаетъ и замѣняется отдачею участковъ въ аренду за умѣренную плату.

Тотъ кризисъ, который переживаетъ греческій городъ, изображенный здѣсь Діономъ,—а уже въ первыя времена имперіи вся Греція имѣла такой же видъ ¹⁾—въ послѣдующіе вѣка охватываетъ Римъ и его

въ древности презрѣнія къ труду въ противоположность къ нашему времени также показаніе Діона, что часто сыновьямъ, матери которыхъ такимъ образомъ снискивали себѣ пропитаніе, или отцы которыхъ были школьными учителями, либо педагогами, ставилось въ укоръ ихъ происхожденіе?

¹⁾ Начиная съ македонскаго періода и до настоящаго времени положеніе Фивъ все ухудшалось, и теперь онъ не похожъ даже на порядочную деревню. Та же участь постигла и всѣ другіе города Беотіи кромѣ Танагры и Феспій, потому что эти города въ сравненіи съ остальными все еще довольно велики. Страбонъ IX 2, 5. На границѣ Фокиды въ равнинѣ Кефиса лежитъ городъ Панопей, «если можно назвать городомъ мѣсто, не имѣющее ни общественнаго зданія, ни гимназіи, ни театра, ни рынка». Paus. X,

окрестности, и слѣды его понынѣ не взглядились въ Кампаніи. И здѣсь земледѣльческіе города мало-помалу исчезаютъ, земля на протяженіи многихъ миль остается не обработанной и служитъ только для скотоводства (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по склонамъ горъ— также для винодѣлія), пока, наконецъ, и самый Римъ стансвится безлюднымъ, дома и общественныя зданія пустѣютъ и обрушиваются, и на форумѣ и Капитоліѣ пасется скотъ. Тѣ-же явленія начали въ нашемъ столѣтіи обнаруживаться въ Ирландіи и теперь рѣзко бросаются въ глаза всякому, кто посѣтитъ Дублинъ или проѣзжаетъ по странѣ.

Діонъ написалъ свой рассказъ съ цѣлью вывести изъ него поученіе. Оно сводится къ похвалѣ бѣдности и сельской жизни въ противоположность жаднѣ наживы и къ растлѣвающему вліянію промышленной дѣятельности. Діонъ спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли уничтожить города и вернуться въ деревню, какъ сдѣлали афиняне въ глубокой древности, а затѣмъ при Писистратѣ (р. 257 сл.). Конечно, въ такого рода сочиненіяхъ не слѣдуетъ принимать на вѣру и считать статистически точнымъ каждое показаніе; кромѣ того, мы легко обошлись-бы безъ моральныхъ разсужденій, лучше выраженныхъ другими писателями. Но его описаніе дѣйствительныхъ условій даетъ намъ неоцѣни-

4. 1. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ свою область и посылаетъ представителей въ фокейскій совѣтъ. «Въ Аркадіи славныя въ древности города исчезли вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, а крестьяне выселились еще въ то время, когда былъ основанъ Мегалополь. Теперь и онъ, какъ говоритъ комикъ, представляетъ собою большую пустыню». Страбонъ VIII, 8, 1. Такихъ свидѣтельствъ можно было-бы при желаніи привести очень много.

мый матеріаль для рѣшенія одной изъ величайшихъ проблемъ исторіи.

III. Къ вопросу о роли рабства въ императорскій періодъ.

Въ своей статьѣ о сущности и устройствѣ крупныхъ предпріятій ¹⁾, Шмоллеръ указываетъ на рабство, какъ на тотъ факторъ, который «свергнулъ древній міръ съ высоты его культуры». «Вмѣстѣ съ этой соціальной организаціей (основанной на рабствѣ) въ каждый изъ этихъ торговыхъ домовъ проникъ соціальный антагонизмъ, неуживчивость, быстро возрастающее взаимное недовѣріе, ненависть, страсть обманывать другъ друга, перебивать другъ у друга прибыль, такъ что относительно послѣдующаго времени можно, кажется, сказать, что Римъ ²⁾ погибъ благодаря устройству своихъ крупныхъ предпріятій, благодаря нравственной и коммерческой деморализаціи какъ господъ, такъ и слугъ».

Я привожу эти фразы, какъ разъ случившіяся у меня подъ рукой, только потому, что онѣ точно формулируютъ общераспространенное воззрѣніе. Можно было-бы безъ труда привести еще много подобныхъ утвержденій, выраженныхъ писателями самыхъ разнообразныхъ направленій; даже Моммсенъ видитъ въ рабствѣ язву, разѣдающую древній міръ. Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ взглядомъ. Правда, разореніе Італіи въ послѣдніе вѣка

¹⁾ Zur Sozial-und Gewerbepolitik der Gegenwart. Reden und Aufsätze, 1890, стр. 377 сл.

²⁾ Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду, конечно, римское государство, а не городъ Римъ.

республики было въ значительной степени вызвано рабствомъ; но врядъ-ли процессъ сильно видоизмѣнился-бы, если бы крупные владѣльцы не располагали рабскимъ трудомъ, а были принуждены, какъ современные предприниматели, обращаться къ услугамъ рабочаго пролетаріата. Они такъ же легко создали бы ¹⁾ и такъ-же безжалостно высасывали бы его, какъ и рабовъ. Наоборотъ, во времена имперіи, какъ уже замѣчено, рабство все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Насколько преувеличено общераспространенное мнѣніе относительно роли рабства въ крушеніи древняго міра, лучше всего видно изъ того, что «рабскаго» вопроса никогда не существовало, что никогда не происходило значительныхъ возстаній рабовъ (большіе бунты рабовъ приходятся на второе и первое столѣтія до Р. Х.; они были вызваны тѣмъ, что въ это время были обращено въ рабство путемъ войны и разбоя множество свободныхъ людей; во времена имперіи эти условія, несмотря на отдѣльные случаи насилій и беззаконія, уже не играютъ никакой роли), что рабство съ этихъ поръ до начала новаго времени постепенно исчезаетъ, при томъ исключительно благодаря измѣненію экономическихъ условій.

Обычный взглядъ на положеніе рабовъ въ древности, выступающій въ приведенныхъ словахъ Шмоллера, совершенно не соотвѣтствуетъ показаніямъ источниковъ. Какъ-бы ни обострялись по временамъ взаимныя отношенія,—въ общемъ обѣ стороны считали ихъ вполне естественными. Этимъ, конечно, не отрицается, что господа имѣли полное основаніе при-

¹⁾ Слѣдуетъ помнить, что пролетаріи не подлежали воинской повинности. Обязательная военная служба вмѣстѣ съ капитализмомъ вела къ разоренію крестьянства.

нимать необходимыя мѣры предосторожности, что многіе рабы какъ изъ благородныхъ, такъ и изъ неблагородныхъ побужденій старались избавиться отъ своего положенія и видѣли въ немъ унижительное и тяжелое иго. Но эта черта не служитъ характернымъ признакомъ рабства, а есть обычное явленіе въ отношеніяхъ высшихъ, состоятельныхъ классовъ къ неимущимъ, все равно—свободны-ли послѣдніе или нѣтъ. Господствующій взглядъ является плодомъ новѣйшаго противоневольническаго движенія, которое и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ борьбѣ противъ существованія домашнихъ рабовъ на Востокѣ, доказало свою неспособность къ правильной оцѣнкѣ существующихъ условій. Черкесы въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій считали продажу дѣтей вполне естественной и разумной, и они выселились, когда послѣдняя вслѣдствіе ихъ присоединенія къ Россіи сдѣлалась невозможной; а ихъ дочери, попадая въ турецкій гаремъ, смотрѣли на это не какъ на горе, а какъ на счастье.

Изъ этихъ замѣчаній ясно также, насколько не вѣрно ходячее мнѣніе, которое въ экономическомъ развитіи видитъ поступательное движеніе отъ рабства къ крѣпостничеству, отсюда къ свободному труду, и несмотря на всѣ признаки упадка стремится доказать, что это движеніе представляетъ огромный шагъ впередъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ. Въ дѣйствительности образованіе колоната, крѣпостничества, представляетъ собою не прогрессъ, а характерный признакъ возврата къ примитивнымъ условіямъ средне-вѣковаго расчлененнаго на сословія общества. Крѣпостной колонъ вступаетъ вѣдь не на мѣсто раба, а на мѣсто свободнаго арендатора, который теперь на-

слѣдственно связывается. Притомъ, было-бы ошибочно думать, что положеніе колона лучше положенія раба. Рабу при ловкости и удачѣ открыть путь къ свободѣ и богатству, его дѣтямъ (а часто и ему самому) — къ высокому положенію въ государствѣ и обществѣ. Стоитъ только вспомнить безчисленныхъ вольноотпущенниковъ и сыновей вольноотпущенниковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ литературѣ, до Горація включительно. Для колона и его потомства этотъ путь навсегда закрытъ; онъ никогда не можетъ выбиться изъ своего сословія, а если и попытается сдѣлать это, то его ждетъ тяжелая кара.

Изданія Т-ва МІРЪ въ Москвѣ.

КАРУСЪ ШТЕРНЕ.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

Научно-популярная исторія мірозданія, происхожденія человѣка и начатковъ культуры.

Переводъ съ изданія, переработаннаго В. БЕЛЬШЕ, подъ редакціей В. К. АГАФОНОВА, съ дополнительными статьями

проф. Н. А. УМОВА и Н. А. МОРОЗОВА.

„Передъ нами путеводитель, странствуя съ которымъ по вселенной, мы не только пробѣгаемъ едва улавливаемые нашимъ воображеніемъ пространства, но столь же мало представляемые по своей протяженности эпохи ея жизни. Собранный на этомъ двойномъ пути пространства и времени матеріалъ, систематизированный и подвергнутый строгому научному анализу, раскрываетъ передъ нами всю архитектуру жизни на нашей планетѣ отъ ея первыхъ слѣдовъ, теряющихся въ явленіяхъ мертвой природы, до ступеней съ высоко развитой психикой“. Изъ введенія проф. Н. А. УМОВА.

Изданіе составитъ 10 выпусковъ, по 128—160 стр. каждый, и будетъ заключать около 800 рисунковъ, въ т. ч. 49 однотонныхъ и цветныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Вышло семь выпусковъ (2 тома).

Цѣна изданія съ пересылкой: 1) безъ переплета 15 руб., 2) въ изящномъ дерматиновомъ переплетѣ въ 3 томахъ — 17 руб. 25 к.

Условія подписки: 1) 2 р. при заказѣ и по 1 р. 30 к. при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 руб. при заказѣ, по 5 руб. 09 коп. при полученіи каждаго тома въ переплетѣ. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

Исторія Русской Литературы XIX в.

Подъ редакціей акад. Д. Н. ОВСЛЕНКО-КУЛИКОЗСКАГО, при ближайшемъ участіи А. Е. ГРУЗИНСКАГО и П. Н. САКУЛИНА.

СОТРУДНИКИ: Ю. И. Айхенвальдъ, К. И. Арабажинъ, Ф. Д. Батюшковъ, А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. А. Венгеровъ, Ч. Вѣтринскій, А. Г. Горнфельдъ, А. Е. Грузинскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, А. Е. Ефименко, И. И. Замотинъ, Иванъ-Разумайкъ, В. Г. Короленко, В. П. Крайнихфельдъ, Н. И. Коробка, В. В. Каллашъ, Н. А. Котляревскій, Е. А. Ляцкій, Н. О. Лернеръ, Б. А. Марковичъ, Л. Мартовъ, Н. К. Пиксановъ, Г. В. Плехановъ, А. Н. Потресовъ, С. Ф. Русова, В. Ф. Саводникъ, П. Н. Сакулинъ, А. И. Яцимирскій и др.

Изданіе составитъ около 26 выпусковъ, въ 80 стр. большого формата каждый, и будетъ иллюстрировано 100—120 меццотинто-гравюрами. До 1 января 1910 г. вышло 15 выпусковъ.

Цѣна изданія съ пересылкой: 1) безъ переплета 28 р., 2) въ роскошномъ тисненномъ золотомъ переплетѣ въ 5 томахъ 32 р.

Условія подписки: 1) при подпискѣ 2 руб., при полученіи первыхъ двухъ выпусковъ по 1 р. 50 к., при полученіи остальныхъ по 1 руб. и по 10 к. за переводъ платежа; 2) при подпискѣ 2 р., при полученіи каждаго тома по 6 р.—По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО.